

ЛЕОНИДА
ПОДВОЙСКАЯ

МАКСИМ

ПРЕДТЕЧИ ЗВЕРЯ

Аннотация

Как жить подростку, вдруг обнаружившему у себя паранормальные способности? Исцелять безнадежно больных, помогать слабым и обездоленным? Вмешаться в криминальные разборки и по своему разумению покарать виновных? А может быть, просто получить несметные суммы за исцеление сильных мира сего и жить в свое удовольствие? И еще мучает вопрос — кто ты теперь?

Что выберет один из таких подростков — Максим, читатель узнает из одноименного романа Л. Подвойской, открывающего цикл «Предтечи Зверя».

Автор характеризует жанр этого цикла как «Фэнэкин» — «фэнтези и экин», подчеркивая этим, что действия в ее романах происходит в очень похожем, но все же не в нашем мире.

В действительности же «Максим» — это удачно дозированный коктейль детектива, фантастики, боевика и совсем немного — мистики. А еще — это светлая сказка, которая читается на одном дыхании.

Леонида Подвойская Максим

Дорогой читатель!

В предисловии к первому изданию романа я подробно рассказала о причинах, побудивших меня описать историю подростков Максима и Алёны. Судя по письмам читателей, эта история была принята весьма благосклонно.

Вместе с тем были и замечания, и недоуменные вопросы, касающиеся, прежде всего, «слишком вольного» изложения обстоятельств, освещенных ранее СМИ совсем по-иному. Немного досталось автору и от медиков, и от летчиков, и от служителей Фемиды, и даже от разочарованных кладоискателей, вычисливших некоторые описанные в трилогии места.

Чтобы у Вас, уважаемый читатель, не возникало претензий и вопросов, полагаю необходимым пояснить следующее.

Совпадение имен и фамилий во всей трилогии — действительно лишь совпадение. Поэтому убедительно прошу: не ищите среди моих персонажей каких-либо прототипов.

Описанные в книге события также далеко не всегда и совсем не во всем соответствуют произошедшим в действительности. Например, мой первый роман писался по «горячим следам», важные

сведения собирались по крупицам. Вы сами, наверное, помните, как странно преподносились нам и факты исцелений, и необъяснимые случаи «внесудебных» расправ над некоторыми представителями криминального мира. Мои знакомые из силовых ведомств первыми шепнули мне о невероятном — появлении подростков с паранормальными способностями. Затем мне несказанно повезло: я познакомилась с людьми, знавшими этих подростков — Максима и Алёну. Их историю я и предлагаю Вашему вниманию, уважаемый читатель.

Кто они? Результат эволюции или очередных экспериментов? Людены из миров Стругацких? Почему появились здесь и сейчас? А может быть, они — следствие цепной реакции при критической массе зла? Я намеренно не раскрываю этот важный вопрос, так как точных ответов пока нет. Слишком много слухов и домыслов. Слишком мало фактов. И пока мы не узнали всей правды, мои герои будут жить в очень похожем на наш, но все-таки своем мире.

Я с благодарностью приму от Вас любую информацию, если Вы тоже были участником или свидетелем тех нашумевших событий. Особенно признательна буду за любые сведения о дальнейшей судьбе моих главных героев — Максима и Алёны.

Глава 1

Максим пришел в себя, словно проснулся после тяжелого, изнурительного сна. С удивлением

посмотрел на плохо окрашенные стены, на забинтованного подростка, лежащего на железной койке, и догадался, что находится в больнице. Не понял только — почему. На всякий случай очень осторожно пошевелил руками и ногами — убедился, что ничего не болит. Резко сев, посмотрел в высокое окно. Лучи весеннего солнца, струившиеся в палату, ослепили его. Макс зажмурился, с удовольствием наслаждаясь этим теплом. Его пробуждение не осталось незамеченным. В палату впорхнула втиснутая в белый халатик тетка (практикантке мединститута было всего-то двадцать два, но пятнадцатилетним такой возраст кажется едва ли не близким к старости).

— Ляг-ляг! Тебе еще нельзя вставать и делать резкие движения. Сейчас врача позову, — затараторила она, пытаясь теплыми полными руками уложить больного в постель.

— А что со мной? — настороженно поинтересовался Макс.

— Сейчас-сейчас, доктор все расскажет, — и, продолжая тараторить, медсестра помчалась в коридор.

В ожидании врача Макс повернулся на бок и, рассматривая палату, тщетно пытался вспомнить, что же с ним произошло. Две больничные койки пустовали, на третьей неподвижно лежал ранее

замеченный пацан с перебинтованной головой. Пощупав свою, Максим убедился в отсутствии бинтов, шишек или шрамов. Непонимающе пожав плечами, он уставился в окно. Ветви каштанов уже выпустили робкие листочки.

— Вот это да! — ахнул он. — Сколько же я здесь? Тогда только каникулы начинались. Или листва рано поперла, или я здесь долго лежу. Но почему?

Раздумья прервал вошедший в палату солидный толстый доктор. Увидев недоуменный, но ясный, осознанный взгляд подростка, он по-доброму улыбнулся.

— Ну-с, молодой человек, как самочувствие?

— Нормально, — односложно ответил пациент.

— Это хорошо, что нормально. Где болит?

— Нигде, — пожал плечами больной.

Несмотря на то, что внешность и поведение врача располагали, подросток отвечал односложно, тем тоном, каким и разговаривают со взрослыми ребята его возраста.

— Так уж и нигде? Голова болит? Кружится? Тошнит? — последовало еще несколько вопросов, затем просьб вытянуть руки, достать кончик носа, посмотреть вправо-влево на докторский молоточек.

— Ну, молодцом, молодцом. Значит, дело на поправку, — заключил, наконец, эскулап. — Но

пока ты не усердствуй. Без нужды не вставай, резких движений не делай и ни о чем неприятном не думай.

— Я хочу понять, почему я здесь?

— Но, может, сначала ты скажешь, что с тобой случилось?

— Не знаю!

— А что помнишь?

— Ничего. Нет... помню, что каникулы начались. А потом... не знаю...

— Ну вот, сам видишь: амнезия, то есть потеря памяти, которая наблюдается после травм или при тяжелом стрессе. Кстати, когда тебя последний раз били по голове?

— Неделю назад, — быстро ответил подросток. — То есть, за неделю до каникул.

— Что, подрались? — сочувственно понизил тон доктор.

— Да нет, на тренировке.

— Ах да, твой отец говорил, что ты боксируешь. Наверное, это немодно уже.

— Не боксирую, только тренируюсь.

— Но по голове уже получаешь?

— А как же, — с готовностью отозвался больной. — В конце тренировки пробуем. Порой и перепадает. Но не сильно.

— Так вот, сынок, ты получил сотрясение либо на тренировке и сам того не заметил, либо

тебя что-то очень сильно напугало. Во всяком случае, ты был доставлен к нам без сознания и пробыл в таком состоянии вот уже... две недели. Вероятнее всего... но это потом.

— Что? Ну скажите, что «вероятнее всего»?

— Скажем так, — осторожно сформулировал доктор, — вероятнее всего, ты увидел что-то, что показалось тебе ужасным.

— Что это могло быть?

— Бог весть...

— И из-за этого я был без сознания? — иронично спросил беспокойный больной.

— Хорошо, что все обошлось благополучно. Отчасти... — все-таки уточнил врач.

— Но, доктор...

— Все-все. В остальном тебе придется мне поверить. Лежи и выздоравливай. Перед сном поговорим еще.

— Отцу-то сообщите, что я пришел в себя.

— Молодец, вспомнил. Значит, действительно, пошел на поправку. Обязательно позвоню. А если что понадобится, обращай к медсестре.

Доктор остановился около перебинтованного соседа Максима, вздохнул и ушел.

Разговор с толстым доктором хоть и успокоил, но все же озадачил Максима. «Две недели здесь... Круто. Это что же, и каникулы

провалялся, и тренировки пропустил? Но что, черт побери, все-таки случилось? Дали по голове на тренировке? — Он вспомнил, как безуспешно гонялся по импровизированному рингу за противником. (Такой уж попался — намного мельче, вертлявый, но нагловатый, выпендривался, «косил» под великого технаря, пока не получил плюху.) — Нет, до головы он ни разу не достал, а вот печени разок досталось, когда я зазевался». — Юноша поймал себя на том, что с точностью до мгновенья вспомнил те, уже почти месячной давности, события. — «Тогда пойдём по цепочке, — решил он, вновь подставляя лицо под лучи солнца. — Так, это я помню. Хорошо. Последний урок, выставление оценок. Ещё бы не помнить! Это же так лажануться!»

По литературе его в четверти вызывали пять раз подряд. Все пять он отвечал на «отл.» и посчитал, что хватит. Не выучил стишок, чтоб его! И на тебе, вызвала шестой раз и вклеила «неуд.». А затем спохватилась и, чтобы исправить, вызвала ещё четыре раза. В том числе и на последнем уроке. Образ главного героя романа. Максимум вспомнилось, как раскрывал этот образ. Даже самому понравилось. Почти весь урок. Ну, минут тридцать точно.

«Но ведь помню! Помню даже эту восхитительную картину в журнале — пять «отл.»,

одна «пара», снова пять «отл.» и «отл.» за четверть. Но все-таки какова училка! — подумалось ему. — Ну что она ко мне пристала? Та-ак. Потом мы шли домой. Потом пили коктейль в кафетерии. Потом дома читал книгу, пока не пришел отец. И он что-то сказал. Что? Ну? Что же он мог сказать такого страшного? Нет, не помню, — мучился в догадках Максим, но память отказывала именно здесь. — Вот хлопнула дверь, вошел отец, слышно, как в коридоре он снимает сапоги. Я откладываю книгу и показываю ему дневник».

— И что? Есть, чем похвалиться? — спросил отец.

— Я как бы и не хваюсь, а так, просто расписаться надо.

Отец доволен. Видно, что доволен, улыбается. И, улыбаясь, говорит:

— Что, что?

В это время тяжело застонал, а потом страшно закричал сосед по палате — подросток с забинтованной головой. Этот крик подбросил Макса и вынес его в коридор.

— Там, там... этот, — сбивчиво сообщил он сидящей за дежурным столом уже знакомой медсестре.

— Ничего, — успокоила юношу толстуха и кинулась в палату. — Это у него бывает. После операции. Ты не бойся. Я ему обезболивающее

уколю, и он опять спокойно ляжет...

Но Максим уже не слушал тараторку. Мимо на каталке быстро провезли кого-то забинтованного.

— Девушку машина сбила. На операцию повезли. Тяжелая. Сам профессор будет оперировать, — также глядя вслед, объяснила, вернувшись, медсестра.

— Это который? — рассеянно поинтересовался занятый своими мыслями подросток.

— Который тебя лечит. Ну, сегодня приходил, Василий Иванович. Золотые руки! Только здесь — вряд ли... хотя загадывать не надо. Твоего соседа по палате Василий Иванович с того света вернул. Вроде выздоравливает, хотя и кричит от боли пока... Ну хорошо, иди в палату, отдыхай. Скоро твой отец приедет. Профессор позвонил.

Юноша кивнул и, оторвав взгляд от закрывшейся в операционную двери, неуверенными шагами поплелся к туалету. Там он долго с удивлением таращился в зеркало — рассматривал свое лицо, словно не узнавая себя. Он и одновременно — не он. Те же карие глаза (от отца!), те же густые темно-каштановые волосы, порядком отросшие, те же широкие брови. Но детская припухлость щек сменилась туго натянутой на скулах кожей. Глаза запали и казались

неестественно большими. Даже бывший предметом насмешек нос — «картошкой» — теперь заострился и приобрел более правильные нордические очертания. И губы вот... — подросток вытянул их трубочкой, потом поджал, потом улыбнулся. — Уже не «губки бантиком». Хотя... Нижняя осталась такой же пухлой. Но в целом увиденное Максиму понравилось. Из зеркала на него смотрел тот, кем ему и хотелось быть, — по крайней мере, уже не ребенок. Объяснив это значительным похуданием, Максим принялся за гигиенические процедуры.

Появление отца в майорских погонах и с новенькой Звездой Героя на груди было исключительно эффектным.

— Сразу после службы. Да и профессор настаивал, говорил, положительные эмоции тебе нужны, — смущенно оправдывался он за свой вид, прижимая сына к пропахшему куревом кителю. — Ну, а ты? Как себя чувствуешь?

— Ничего, папуля, нормально. Но ты... ну, ты... — Максим глупо широко улыбался, по-детски таращась на Звезду. — Ты молодец, папуля, — наконец нашел он нужные слова. — Я всегда знал, что ты у меня герой. А как? За что?

— Так ты ничего не знаешь? Тебе ничего не говорили? — осторожно поинтересовался Белый-старший, садясь на кровать и выкладывая на тумбочку всевозможную снедь.

— Нет, ничего. Рассказывай, рассказывай быстрее!

— Посадил аварийный самолет на глазах у Главного.

— А подробнее?

— Вернешься домой, все подробно расскажу.

— Ну, хоть немножко.

— Нет, здесь не будем, — твердо оборвал клянчанье отец. — Рассказывай, как ты здесь.

— А, секреты! — по-своему истолковал это Макс. — Тогда ладно. Чего ты там понавез? Лучше бы книжку какую. Нормально я. Профессор осмотрел, сказал, что поправляюсь. Что случилось, допытывался. А я, честное слово, не помню. После его ухода вспоминал, вспоминал... До того, как ты пришел со службы вечером, помню, как показал дневник, помню, а дальше — провал.

— Не волнуйся, главное — спокойствие.

— Это Карлсон говорил.

— Это нам твой Василий Иванович говорил. Ты отъедайся. Это тоже профессор говорил. Пока вот соки, пасты, шоколады. В школе все нормально. Директорша сказала, что помогут наверстать. Невеста твоя интересовалась, тоже обещала помочь.

— Ай, ну папа, — засмутился Макс.

Невестой отец называл школьную подружку сына. Когда-то они сидели за одной партой, потом разные интересы охладили их отношения, сейчас

же затаившаяся взаимная симпатия переросла во что-то иное, о чем подросток вообще не хотел говорить с кем бы то ни было.

— Да ладно тебе. Какую книгу привезти?

— Мне Женька обещал. Еще до каникул. Может, свяжешься? Он знает.

— Найду. Ну, пора. Врач просил долго по первому разу не засиживаться.

— Да, езжай. Когда снова будешь?

— Теперь часто, — офицер крепко обнял сына и ушел, оставив в душе юноши радостное ощущение любви, тепла и нужности на этом свете.

Помахав ему в окно, больной развернул свертки и только сейчас почувствовал, как проголодался. Поев разных вкусных фруктовых кашек, подросток с какой-то хитрецей покосился на конфеты, а затем блаженно закрыл глаза, в точности выполняя предписания тихого часа.

Разбудил его вечером мрачный Василий Иванович. Сугубо по-деловому осмотрев юношу, он сказал:

— Молодцом, продолжай в том же духе, — после чего повернулся к больному на соседней койке.

— Василий Иванович, когда меня выпишут? — жалобным голосом спросил Максим.

— А что, тебе плохо здесь? Только очухался, и уже надоело? Не нравится?

«А что здесь должно нравиться?» — хотел, было, спросить Макс, но, взглянув в грустные уставшие глаза профессора, осекся.

— Четверть кончается. И год.

— Переведут без экзаменов. Выведут средний. Все равно напрягаться тебе долго нельзя будет. Так что отдыхай и выздоравливай. Мы еще с тобой обстоятельно поговорим на эту тему, — пообещал профессор, уже стуча по конечностям его соседа.

Глава 2

— Угощайтесь, угощайтесь. Мне все равно много пока нельзя. Да, а как меня до этого кормили? Кололи? — спросил Максим у медсестры.

— Да, первых несколько дней кололи, а потом потихоньку из ложечки кормили. И ничего, глотательный рефлекс утрачен не был. Правда, давали только жидкое или пюре, тоже совсем жиденькое. Так что сейчас смотри, никакого мяса раньше времени.

— Вот я и говорю: угощайтесь. Почему это Чапай такой злой? — поинтересовался Максим.

— Кто? — не поняла толстушка. Максим уже выяснил, что зовут ее Светлана, и, чтобы кое-что выведать, пригласил на отцовские конфеты.

— Ну, Василий Иванович ваш...

— Не надо так, — серьезным тоном упрекнула девушка собеседника и даже отложила конфету. — Он не злой. Просто он очень уставший и подавленный. Помнишь ту девушку? Шесть часов операции. Шесть часов, понимаешь? И не ногу какую-то отрезать, а мозг оперировать. Ювелирная работа. Но не всегда и не все подвластно даже ему. Наверное, умрет бедняжка. Хотя надо надеяться и бороться до последнего, — спохватилась она, тяжело вздохнув. — А потом, после операции, — разговор с родителями. Соври, успокой, что все нормально, а вдруг раз — и все. Как потом в глаза им смотреть? Сказал, что сделали все возможное, но ни за что ручаться нельзя. Мать — тотчас же с инсультом, уже тоже наш пациент, а отцу надо на службу. Он тоже офицер. Какой-то большой начальник у вас. Пушкарев его фамилия. Знаешь такого? Представляешь, завтра придет, а дочь...

— Пушкарев... Значит, она... — ошарашенно прошептал Максим.

Он хорошо знал эту девчонку — синеглазую красавицу Анюту. «Анютины глазки — цветочек из сказки», — сочинил он когда-то в рифму и, написав эти слова на бумажных самолетиках, забросал ими ее балкон (в их же доме, но через подъезд и этажом ниже). Обратила ли она внимание? Наверное, хотя она этого не сказала, но вскоре он здорово получил от ее более взрослых ухажеров. Было это в детстве,

три года назад, поэтому теперь почти забылось. После они никогда не общались и, кажется, об этом не жалели. И теперь она... ее... Почему-то навернулись слезы. Ну, не почему-то, а от жалости.

— И что с ней теперь? — спросил Максим.

— Профессор сказал, что травма тяжелая. Да оно и так было видно. Весь череп... но тебе ведь нельзя волноваться!

— Ну расскажите, пожалуйста. Тем более, что уже все и рассказали.

— Ладно. Теменная кость раздроблена. Мозги видны. Привезли, сразу — трепанация, а затем... — и студентка, гордясь своими знаниями, начала сыпать мудреными терминами.

— Но я не понимаю. Вы бы мне по-русски.

— А вся медицина на латыни.

— И что, нет шансов?

— Неизвестно. Травма мозга очень серьезная, несовместимая с жизнью... почти.

— Но только «почти»?

— Все может быть. А даже если выживет, будет инвалидом. Паралитиком...

— Зачем тогда вообще жить? — выдохнул Макс.

— Не знаю, — вздохнула медсестра. Ей было всего двадцать два, она тоже не представляла себе, зачем жить, не имея возможности двигаться. — Ну все, спать. Будет мешать сосед — позовешь меня, я

на дежурстве.

— Спасибо, спокойной ночи.

— И тебе спасибо. Выздоровливай.

Сосед не мешал, но уснуть не удавалось. Хотя какое там не удавалось? Максим и не пытался. В окно светила луна, в открытую форточку прокрадывался волнующий запах рано зацвевшей сирени. Наверное, специально, чтобы пациентам болеть не хотелось. И умирать — тоже. Гнетущая тоска охватила сердце. Хочешь не хочешь, а когда-то придется. Вот Аня тоже не хотела. Не хочет. Он вспомнил ее на школьных вечерах. И если в школьной форме она была красива, то на вечерах или дискотеках была, как бы это точнее выразиться... да ладно, неважно, как это называется! И не в том дело, что она не с ним. Он и не пытался. Кроме тех идиотских самолетиков... Лицо его вдруг залилось краской от давнего воспоминания, он подумал: «И по делу меня тогда отходили. Подло, правда, что втроем, ну она-то здесь при чем?»

И вот теперь она рядом умирает. А он не может помочь. Почему не может? И даже не пытается? А как? Да хоть как-нибудь, надо попробовать!

Не совсем осознавая, что делает, Макс накинул халат и выскользнул в коридор. Светлана сидела, склонившись над столом, — то ли читала,

то ли дремала. Парнишка тихонько прошмыгнул в реанимацию. Благо, все эти требования о закрытых дверях здесь, как и во многих других знакомых нам больницах, успешно игнорировались. Не усидел на месте и дежурный врач — засел в ординаторской с дежурным хирургом. Типа: «Ну и что? В конце концов, в случае чего аппаратура сразу даст знать и сюда, а мне отсюда — пару секунд. И ва-аще...».

Пушкарева лежала одна в холодной, страшной темноте, с зашторенными окнами. Только мерцали зелеными светляками какие-то индикаторы и монитор высвечивал биение сердца Анюты. «Видимо, чтобы свет не мешал, — мелькнула мысль у визитера. — Но как может мешать свет? Особенно лунный?»

Он осторожно отодвинул штору — ровно настолько, чтобы луна могла освещать лицо девушки. Анюта лежала без сознания. Лицо ее было почти такое же белое, как бинты на голове, изможденное, безжизненное.

«Умрет», — с ужасом подумал юноша и нащупал ее холодеющую ручку. Почти не осознавая, что делает, Максим представил, как его пульсирующая горячая кровь, его силы по пальцам переливаются в руку бедной девочки. И вдруг через несколько секунд он начал почти наяву ощущать это.

— Анюта, открой глаза, — неожиданно даже

для себя попросил он — и словно два василька выглянули из-под снега.

— Слушай меня, — откуда-то из глубины души, почему-то глухо, сами собой стали вырываться слова. — Ты не умрешь. Ты ведь не хочешь умирать. Ты будешь жить. Слушай и чувствуй. Бери мои силы и живи. Бери, бери, бери...

Теперь он уже явно ощущал, как горячая волна от его сердца катится по руке, струйками просачивается через ее пальцы дальше и такой же горячей волной разливается по телу девушки. Но в это же время от нее к нему черными струйками начала просачиваться боль. Вначале покалывало пальцы, затем стало жечь руки, потом волна боли захлестнула его всего. И на новую волну переданного тепла приходила новая волна боли, пронзительной, ослепляющей, заставляющей напрягаться каждый нерв.

— Бери и живи, бери и живи. У меня много. Бери... живи... — повторял он, с каждой такой волной окунаясь все глубже и глубже в глаза девушки и едва сдерживая себя, чтобы не закричать от боли.

Луна уже перестала заглядывать в щель между шторами, когда Аня, легко вздохнув, закрыла глаза и уснула. Максим почти физически почувствовал, что она больше не в силах ничего от

него взять. А он — не может дать. Оставив потеплевшую руку, юноша подошел к окну и долго, собираясь с силами, смотрел на лунный диск. Боль медленно уходила, стекая с пальцев невидимыми струями. Затем он медленно, хватаясь за стены, вышел из палаты, незамеченным добрался до своей койки и провалился в глубокий сон.

— Подъем, подъем, подъем, — разбудил утром Максима радостный голос Василия Ивановича. — Я понимаю, что для выздоравливающих и сон — лекарство, но не до такой же степени. Уже осмотр, пора хотя бы глазоньки продрать.

Перед сонным подростком сидел ликующий профессор. Сейчас он был очень похож на собирающегося взлететь майского жука — даже усы так же распушились.

— Э-э-э, брат, да ты совсем ослаб. Ты чем это ночью занимался?

— Спал, — хмуро ответил юноша, протирая глаза.

— Что-то не похоже, — засомневался врач, осматривая, ощупывая и простукивая пациента. — Впрочем, ладно. Кошмары не снились?

— Скорее всего, сказки, — вспомнил прошлую ночь Максим.

— Сказки, это ничего. С сегодняшнего дня — только общеукрепляющие, — обратился он к

пришедшей с ним врачихе. — Но не усердствуйте. Больше покоя.

И что-то мурлыча под нос, ушел в сопровождении бело-халатной свиты.

— Чего это он? — поинтересовался Макс у Светланы, когда она раскладывала таблетки на его тумбочке.

— Девочке лучше. Просто чудо. Думали, до утра не доживет, а она жива. И, видимо, выкарабкается. Слава богу, — с радостной улыбкой прокомментировала медсестра.

— Когда вы снова придете?

— Во вторник. Мы сутки дежури́м, а в течение полутора суток отдыхаем.

— Я вас попрошу: принесите, пожалуйста, газеты. Ну, которые про отца.

— Ой, не знаю, можно ли тебе?

— Но профессор сказал, что ничего страшного, то есть уже можно.

— Хорошо, поищу. Выздоровливай. Если что, ты Марины не стесняйся. Она только с виду строгая, — охарактеризовала она свою сменщицу.

«Ей, ровеснице, а может, и подружке, хорошо говорить «не стесняйся». А тут такая красавица!» — подумал Макс, когда новая медсестра пришла за пустой посудой.

Надо отметить, что, во-первых, белый цвет украшает любую девушку, а белый халат — любую

стройную женщину. И, кроме того, не так много наяву видел красивых девушек наш обитатель военного городка.

— Может, помочь чем? — попытался он вступить в контакт, когда эта красавица ворочала его бессознательного соседа.

— Себя обслуживай — это уже помощь, — довольно резко отклонила она его предложение.

Подросток замолчал и стал думать над тем, что же случилось с ним прошедшей ночью. Может, все ему только приснилось? А улучшение состояния Анюты — совпадение? «Ничего себе сон», — содрогнулся он, вспомнив о пережитой боли.

А если попробовать еще раз? Провести такой же эксперимент с соседом. Ведь он тоже лежит в беспамятстве или кричит. Ну и что, что «тундра», ведь тоже страдает.

Дело в том, что давным-давно, когда только полк прибыл сюда из Сибири, местные ребята тут же окрестили пришлых «тайгой». Те не остались в долгу и назвали аборигенов «тундрой». Максим не разделял этой предвзятости и старался относиться к «тундре» объективно.

«Но стоит ли терпеть?» — вновь вспомнил он перенесенную боль.

В самом начале тихого часа Макс все же решился и подошел к соседу. На этот раз он легко

коснулся руками забинтованной головы в том месте, где сквозь бинты вновь просачивалось красное пятно, попробовал пустить сквозь пальцы ту же волну, но сейчас же, вскрикнув, отдернул кисти. Боль пришла мгновенно, словно от прикосновения к раскаленному металлу.

— Да что это такое? — недоуменно прошептал он. — Значит, не снилось? Но раньше-то такого не случалось.

Он посмотрел на свои руки, пожал плечами и вновь приблизил к голове больного. «Надо терпеть, — уговаривал он себя. — Если получается, надо помочь. Мучается же парень. Вон сколько времени в себя не приходит. Надо помочь».

И — странное дело — боль отступила, вместо нее нахлынула горячая волна силы, которой он щедро делился с безответным бедолагой. Настолько щедро, что вскоре пол поплыл под ногами. «Еще чуть-чуть, еще капельку», — уговаривал он себя, чувствуя, сколь нуждается в этом больной. Затем добрался до своей кровати, свалился и уснул.

— Ну и здоров ты все-таки спать, — вновь разбудил его голос профессора. — Как ни приду — он спит. Может, ты и раньше просто крепко дрых? — тормозил врач подростка. — Ну-ну, молодцом. Динамика замечательная. Хотя и не такая, как у соседа. Бурно выздоравливает. Пока ты спал, он вдруг встал и пошел в туалет. Чудеса

современной медицины. Мы думали: гарантированная обездвиженность, хотя бы очнулся, а тут... В общем, теперь у вас палата выздоравливающих.

— Скажите, а та девушка?

— Почему она тебя интересует? — нахмурился врач. Он уже взялся за «бурно выздоравливающего», который, правда, в это время не шевелился. То ли спал, то ли вновь был без сознания. — Ну, ничего, ничего, начало положено, рефлексы проявились.

— Да знакомая она моя...

— Медицина не всесильна. Наверняка будет жить, а вот все остальное...

— Обездвиженность? — повторил Максим только что произнесенный Чапаем термин.

— Запомни, дорогой, врачи диагнозы и вероятности исхода лечения с другими больными не обсуждают. — Профессор тяжело вздохнул. — Всегда хочется большего. Будем бороться! — с каким-то вызовом сказал врач, уже выходя из палаты.

Позже приехал отец, вновь привез свежих овощно-фруктовых кашек, пожурил сына за то, что плохо ест. Подросток оправдывался, мол, сыт и энергию не на что тратить.

— А ты затрачивай побольше на выздоровление, — посоветовал отец. — Привет

тебе от невесты.

— Ай, ну папа...

— Шучу. И от Женьки, и от других одноклассников. Собираются провести.

— Ну, вот еще, — застеснялся юноша. — Тоже мне тяжелобольного нашли. Кстати, ты знаешь о Пушкаревой?

— Да... Ее отец меня и подвез. Несчастные родители. Вначале молились, лишь бы выжила. А теперь...

— Профессор говорит, будут бороться.

— Да, конечно, надо надеяться. Вот тебе твоё чтиво, но не усердствуй, доктор сказал — в меру.

Затем они поговорили ни о чем и старший Белый засобирался. Отец Анюты ехал домой, чтобы решить служебные дела и вновь разрываться здесь между женой и дочкой.

Сосед по палате мирно похрапывал. На тумбочке уютно горела лампа. Красивая медсестра не появлялась. Максим, анализируя прожитые сутки, пришел к выводу, что в нем появилась или проявилась способность к целительству. Выросший в эпоху повального увлечения всевозможными паранормальными явлениями, он скорее обрадовался, чем удивился этому обстоятельству. Но вот боль... Он ранее нигде не читал, что целительство столь мучительно для самого врача. Да и те, кого подняло на щит

телевидение, не морщась, лечат целые толпы. А тут из-за одного или одной — столько боли и такая трата сил.

Внезапно его осенило. А что, если это временно? Вот завтра проснется, а этого уже нет. И он не успеет. Надо... Прямо сейчас, пока возле нее никого нет. Максим поднялся и вышел в коридор.

— Я быстро, — ответил он на немой вопрос дежурившей красавицы Марины и направился в сторону туалета, а когда та склонилась над книгой, метнулся в реанимацию.

Здесь ничего не изменилось. Разве что шторы теперь были раздвинуты, да из капельницы в вену на тонкой руке неподвижной девушки сочилась какая-то жидкость. Непонятно откуда зная, что делать, Макс, даже не касаясь, поднес руки к голове несчастной и замер, ожидая боли. И она вновь пришла — на этот раз тупая, саднящая.

— Да что же это? — всхлипнул целитель, но тут же, потрясенный, замолчал, уставившись на пальцы рук.

Маленькие искорки пробегали от запястий к кончикам пальцев и накапливались там, заставляя их светиться все более ярким и ярким светом. И словно некий барьер мешал этому свету вырваться, политься дальше.

— Бери, бери, — шептал он, как в прошлый раз, но отчетливо видел: он сам не давал той

целительной силы, в которой так нуждалась девушка. Кончики пальцев уже светились настолько ярко, что освещали бледное лицо девушки, когда Максим вдруг понял — он так боится этой боли, что желает быстрее от всего этого отделаться.

— Нет! Пускай! Она должна... Она не будет калекой. Ну же! Не боюсь. Давай!

Боль вновь ослепила его. Но таинственный свет («Какое-то поле», — подсознательно решил юноша) двумя прямыми лучами коснулся висков девушки, затем растекся по ее голове и явно стал просачиваться сквозь бинты.

— Открой глаза, — решительно и в то же время радостно сказал он, — и тут же окунулся в их глубину.

— Бери это. Впитывай. Ты будешь ходить, бегать, прыгать, танцевать. — Пронзительная боль не давала возможности сосредоточиться, и Максим с трудом подбирал слова. — Ты будешь абсолютно здорова, — нашел он, наконец, правильную формулу и вдруг почувствовал сопротивление своим словам и мыслям.

Повторяя слова об абсолютном здоровье, он попробовал, как в прошлый раз, послать не эти ручейки, а волну своей неведомой силы. Что-то мешало, и юноша, мотая головой от мучительной боли, попробовал сосредоточиться на путях

светящихся ручейков. Это удалось, и он вдруг ясно представил, как пульсирующие волны растекаются и, словно губкой, впитываются розовыми, похожими на мелкие цветочки, клеточками мозга. Дальше, дальше... А здесь? А здесь зияла пустота, пропасть.

«Прооперированный участок, — понял Макс. — Надо соединять».

Он попытался добавить силы светлым лучикам, и это отозвалось еще более жгучей болью.

— Ничего, — успокоил он девушку, испуганно глядевшую на него. — Ничего. Ты выздоровеешь. Ты скоро выздоровеешь.

Еще немного боли, и он уже не увидел, а почувствовал, что его флюиды все же прорвали этот черный барьер.

— Вот так, вот так, — приговаривал он, отправляя этих таинственных посланцев здоровья все глубже и глубже в раненый истрадавшийся мозг.

И рана сдалась! Он увидел, как ярко-чистым голубым огнем вспыхнули лучи его пальцев, как окуталась свечением вся голова девушки. А вскоре свечение погасло само собой. Угасла и боль.

«Или силы кончились, или больше не надо», — решил Максим.

Он вновь был так опустошен и измучен болью, что даже не заметил, выходя, как Аня

повернула голову и посмотрела ему вслед. Он в этот момент столкнулся взглядом с медсестрой, стоявшей в дверном проеме. Судя по расширенным до последней степени зрачкам, она что-то видела, но пока не могла понять, что.

— Все потом. И помогите, — попросил целитель, опираясь на стену.

С присущей медсестрам сноровкой Марина подхватила оседающего нарушителя режима под мышки и поволокла по коридору. Уже у палаты они встретились со спешившим в реанимацию Пушкаревым.

— Как она? — строго спросил полковник медсестру.

— Ничего. Все так же. Это я вот, в туалет... помогала, — испуганно залепетала, оправдываясь, девушка, кивая на Максима.

Грозный офицер хотел, видимо, спросить еще что-то, но, вздохнув, грузно зашагал в реанимацию.

— А теперь я тебя спрошу, — затащив Макса в палату и бросив его на кровать, зловеще прошипела медкрасавица. — Что ты там делал? — с расстановкой произнесла она. — Ну? Что ты там делал? — повторила она и, не дождавшись ответа, стала трясти Макса за лацканы. — Ты расскажешь мне, пока я не подняла шум. Ну?

Максим молчал, засыпая. Ему совершенно не хотелось разговаривать, а тем более что-то

объяснять. Дознание прекратилось самым неожиданным образом. Прогремели шаги, и открывшийся дверной проем заполнила фигура Пушкарева-отца.

— Сестра, сестричка, родненькая... быстрее, — пролепетал он и кинулся назад.

— Ну вот. Молись, гаденыш. Не дай бог... Сама удавлю, — пообещала девушка дремавшему Максиму, бросаясь вслед за Анютиным отцом.

Юноша успел еще заметить ненависть в ее зеленых глазах, проваливаясь в сон.

— Интересно, что она подумала? И что бы я подумал, увидев такое? А вообще, что она видела? — сквозь дрему спросил сам у себя Максим.

Глава 3

На следующее утро новоявленный целитель проснулся еще до обхода. Виной тому были лучи раннего весеннего солнца и мягкие нежные прикосновения. Кто-то тихонько гладил его по лбу и щекам. Пальцы, прикасавшиеся к его лицу, пахли ароматным мылом, духами и лекарствами. Еще не открыв глаза, он догадался, кто это.

— Пришли душить? — улыбнулся он, встретив на этот раз мягкий задумчивый взгляд зеленых глаз.

— Ты меня прости — сдавленным голосом попросила Марина.

— А что случилось?

— Но ты-то же должен знать!

— Откуда? Я же уснул...

Медсестра, волнуясь, принялась рассказывать.

Вбежав в палату, она увидела склонившегося над девушкой отца, который приговаривал:

— Смотрите, сестра, смотрите же! Она открыла глаза! Она повернула голову!

Больная вдруг улыбнулась и положила свою ладонь на руку отца.

— И тут, и тут... — Марина стала запинаться. — И тут этот мужчина, этот мамонт, просто упал на табуретку и разрыдался. Ты бы видел... И я... тоже.

Медсестра не могла больше сдерживаться и заплакала.

— Значит, он очень любит свою дочь. А вы?

— У меня нет дочери, — недоуменно ответила девушка.

— Нет, а вы отчего плакали? И вот теперь...

— Она же начала двигаться! И это ты! Ты! А я думала...

— Что? — даже привстал от любопытства Максим.

— Плохо думала, — покраснела и вновь взхлеб разрыдалась совестливая девушка.

— А дальше что?

— Кто ты? — вдруг, перестав плакать, спросила Марина. — Я никому не скажу. Клянусь. Ты хотя бы намекни. Ее отец сказал, что будет молиться за ангела-спасителя. Это получается... за вас? — уже со страхом и уважением спросила девушка.

Она даже не заметила, как стала обращаться к этому юнцу на «вы».

— Да что вы, пусть за профессора молится.

— Не надо «ля-ля», — девушка по-заговорщицки наклонилась к Максиму и шепотом продолжила: — Когда я позвонила профессору домой, а в случаях ЧП надо его сразу вызывать, он подумал, что все... Я по голосу поняла. Потом говорю, что она головой и руками двигает, а он не верит. Но тут счастливый папаша трубку у меня вырвал и подтвердил. Когда В. И. примчался и посмотрел на то, что с ней творится, он сам чуть в обморок не упал. От удивления и от радости. Обследовал и все головой мотал... Вот... А вы говорите: «Профессор». Он сам сказал: «Чудо». Скоро увидите, какой он сегодня. Уже идут. Ладно, потом.

Она легко вскочила и выпорхнула из палаты.

— Доброе утро, — стремительно вошел в палату профессор. — О, уже проснулись? Ну, молодцом, молодцом. Давайте посмотримся. Та-ак.

Общая слабость, но не столь значительная. Смотрим сюда... ножку на ножку... Та-ак. — Профессор с улыбкой уставился на пациента. — Выздоровливаем, мой друг, выздоравливаем. Если так пойдет дальше, то скоро... Но не будем загадывать... кое-что я вам отменю. Из сильнодействующего. А то тошнит, небось? — испытующе заглянул в глаза Максиму хитрован-профессор.

— Вроде нет, — пожал плечами пациент.

— Это меня тошнит, профессор, — раздался хриплый голос с соседней койки.

Реакция профессора на эту жалобу была потрясающей. Он возмущенно повернулся к встрявшему в разговор больному, затем замер, всматриваясь в выглядывающие из-под повязки глаза.

— Заговорил, — констатировал он и почему-то вышел из палаты. Затем вернулся и, заметно сомневаясь в происходящем, обратился к Максиму соседу:

— Вы что-то сказали? — спросил он.

— Это меня от лекарств тошнит, — повторила «повязка».

— Он заговорил. Нет, он, правда, заговорил. Это неслыханно. Не-слы-хан-но, — повторил по слогам профессор. — Просто поле чудес какое-то, — просиял он, наконец. — Голубчик, вас

надо незамедлительно и самым тщательным образом обследовать. Вчера вы вдруг начали ходить. Ну, этого следовало ожидать... со временем. А сегодня он, пожалуйста, разговаривает! Готовьте на томографию, — распорядился он и вышел, что-то объясняя врачам и практикантам на латыни.

И тут же в палату свежим весенним ветром впорхнула медсестра.

— Я сейчас сменяюсь. Но не уйду, пока не скажете, кто вы, — зашептала она. — Признавайтесь, признавайтесь. Ведь и его, — она кивнула головой в сторону соседа, — тоже вы. Признавайтесь, а то все профессору расскажу.

— Марина, я вас очень прошу, — для убедительности Максим заглянул в самую глубь зеленых глаз и продолжил: — Ну, не надо... Я и сам не знаю...

— Ну ладно. Я потерплю. Пока узнаете. Но за вами должок. Мое дежурство закончилось, — улыбнулась медсестра, забрала с тумбочек пустые склянки и вышла.

— Странная какая-то, — сделал заключение вдруг разговорившийся сосед.

— Это точно, — улыбнулся Макс новому собеседнику.

— Хома, — представился парень, протягивая руку.

— Максим, — автоматически ответил наш герой и тут же спохватился: — Кто?

— Ты плохо слышишь или я тихо говорю?

— Нет, извини. Просто редкое имя.

— Редкое, — самодовольно подтвердил Хома.

Знакомство было прервано санитарями, увезшими обладателя редкого имени на назначенные счастливым профессором обследования.

— Удалось, могу, — наконец поверил в себя Максим.

Он представил плачущего от счастья Анютино отца, ее полупрозрачную руку на здоровенной мужской ручище, и у него самого навернулись слезы. А затем его захлестнула теплая волна счастья. Ради этого стоит терпеть жуткую боль и слабость. С этим радостным чувством Максим вновь уснул, подставив лицо пробивающемуся сквозь давно немые окна солнцу...

— Опять, — тоскливо подумал Макс, просыпаясь от сдавленного стога.

Он вспомнил боль последнего «сеанса» и поморщился. Но тогда было надо. Там — девушка с тяжелой травмой. А здесь? За что терпеть? Тем более, что уже идет на поправку. Уколот — и боль пройдет. Он вновь взялся за книгу.

— Чего они тебя сегодня не колют? —

спросил он через некоторое время.

— Отменили. Говорят, хватит, а то привыкну к наркоте.

— И что теперь?

— Терпеть надо. Теперь — всю жизнь терпеть.

— Это как, всю жизнь?

— Вот так.

— Ясно, — вздохнул Максим, пытаюсь не замечать перекошенного лица соседа и не слышать его прерывистого дыхания. Вот еще одного вылечили. Оставили калекой. Нет, оно бывает, чтобы после операции боль возвращалась. Но на всю жизнь? Он вновь тяжело вздохнул, представив этот ужас.

— Может все-таки попросить?

— А завтра? А послезавтра?

— Ну, утихнет понемногу.

— Там какое-то давление высокое. Надо терпеть, привыкать.

— Ясно, — вновь вздохнул Максим, решаясь.

Когда сердобольная медсестра все же сделала Хоме обезболивающий укол и тот уснул, Макс собрался с силами, уже знакомым жестом протянул к голове спящего руки и начал посылать с кончиков пальцев то самое, поднимающееся откуда-то из глубин, тепло. Вскоре пальцы засветились. Ожидая приступ боли, юноша закрыл глаза и стиснул зубы.

Она пришла — столь острая, что Макс отпрянул от больного. Боль, пульсируя, начала утихать.

— Не смогу. Ну и пусть. Это его боль. И кто он мне? Еще неизвестно, чем это для меня обернется. Я что, нанимался? — оправдывал он себя.

Максим вытер выступивший на лбу обильный пот. «Как в парилке», — подумалось ему. Взгляд упал на пальцы — их кончики едва светились.

— Но ты же можешь! — уговаривал он себя. — Можешь. Неизвестно, почему, и неизвестно, сколько. А если завтра эти чудеса закончатся? Всю жизнь будешь жалеть. Ну, еще разок, потерпи.

Максим вновь приблизился к спящему, теперь боль оказалась терпимой.

«Вот что значит правильно настроиться», — решил подросток и стал посылать вновь появившиеся лучи из пальцев в голову больного соседа.

Он заставлял себя не думать о боли и сосредоточиться на болезни. Вскоре он увидел ее — черное набухшее пятно, пульсирующее при приближении струек света. Было видно, что, как и с Анютой, здесь не обойдется без борьбы и, значит, без еще большей боли. Макс уже не произносил заклинания — понял, что прежде они были нужны скорее всего ему самому. Теперь он мысленно

видел, куда следовало направить свою исцеляющую силу. Он видел и то, как постепенно съеживается черная опухоль.

«Еще немного, еще чуть-чуть», — шептал Максим.

И вот он увидел и даже почувствовал, что зло сдалось. Не отступило, а именно сдалось, рассыпалось на мелкие комочки, которые распались на песчинки. В этот же миг утихла и собственная боль, хотя лучи на пальцах еще не померкли. Любуясь своей работой, юноша расплыл лучами и несколько других темных пятнышек. Затем все закончилось, словно сработал выключатель. Макс, шатаясь, дошел до своей кровати, упал на нее и немедленно уснул. Он не заметил, а если бы и заметил, то уже не смог бы обратить внимания на то, что его пациент во время сеанса открыл глаза. И теперь, когда один юноша спал, второй, повернувшись на бок, долго рассматривал своего таинственного соседа. Но исцеленный мозг тоже требовал отдыха, и вскоре крепким сном спали уже оба подростка.

— Ну, братец, ты, наверное, инфекционный, — вновь разбудил его голос профессора. — Теперь и соседа заразил. Слышишь, какие рулады накручивает.

Максим проснулся и признал правоту Василия Ивановича. Действительно, невысокий хрупкий

подросток храпел по-богатырски.

— Я пробовала их будить. Обоих. Потом решила — пускай поспят до обхода, — оправдывалась медсестра.

— Ничего-ничего, им обоим на пользу. Особенно малому. Он давно сладко не спал. И вряд ли это, к сожалению, надолго... Так что, пускай отоспится. А с вами, молодой человек, нам пора позаниматься серьезно. Так что сразу после обхода — милости прошу в мой кабинет.

— А со мной? — произнес переставший храпеть Хома.

— Ну, раз проснулся, давай посмотримся. Так... Смотрим сюда... А если сюда? Что за черт? — вдруг воскликнул эскулап, но тут же взял себя в руки. — Так... — протянул он, всматриваясь в глаза больного. — Та-ак... А если попробовать руки вперед? Та-ак... А если ногу на ногу? Та-ак. Как самочувствие?

— Спасибо, как никогда, — и мальчишка вдруг широко улыбнулся.

— И голова не болит? — присматриваясь более внимательно, спросил Василий Иванович.

— Совсем.

— Ты мне признайся, куда свое косоглазие дел?

— И оно тоже?

— А ты не спрашивай, ты в зеркало погляди...

Да-а. Тут осмотром не обойдешься. Ко мне в кабинет! Немедленно! А ты, — он обернулся ко второму подопечному, — ты, брат, извини, надо подождать. Здесь такие дела творятся. Боюсь сглазить, но...

— Еще чего, я сам пойду, — отбивался в это время Хома от санитарок, вознамерившихся отвезти его на каталке.

— Хорошо. Пусть пробует, — согласился врач. — Только, дружок, медленно, и если вдруг что...

— Не будет «вдруг», доктор, — уверенно заявил подросток. — Идемте, — и он в сопровождении белых халатов вышел.

Максим, оставшись один, попробовал разобраться в своих ощущениях. Не было никаких сомнений — в нем проснулась какая-то странная сила. И он может ею лечить. Но чем сильнее болезнь, тем больнее ему самому. Или чем больше надо отдавать сил, тем больнее? Но силы восстанавливались все быстрее. Вот и сейчас. Вчера чуть до койки довололся, а сегодня даже врач не заметил. Или заметил? Максим потянулся за зеркальцем и внимательно рассмотрел свое отражение. Конечно, похудел — вон скулы торчат. Конечно, побледнел, но в остальном...

— Красавец, красавец, — перебил его размышления голос сестры-болтушки. — Хоть ты

не изменился, а то, подумала, что не двое суток, а два месяца отдыхала.

— Не изменился? — уточнил Макс, решив не обижаться на «красавца».

— Ну, по сравнению с некоторыми. Эта знакомая твоя уже ест сидя. Твой сосед по палате, как ракета, понесся. А думали: на всю жизнь инвалидом останется. Да и ты сколько пластом лежал! Отец здесь дневал и ночевал...

— Папа? — изумился он.

— Ну и что? Здесь многие так. И отец твой, когда из столицы вернулся.

— Из столицы?

— Да ты, мальчик, еще туго соображаешь. Героя-то только в столице вручают. Чем ты вообще здесь занимался? Ничего не знаешь. Или профессор тебя так оградил? Возьми газеты, которые ты просил. Я купила разные, там и пишут по-разному, но в главном — одинаково.

Продолжая тараторить, Светлана положила ему на тумбочку ворох газет, автоматически что-то поправила, что-то убрала, открыла форточку, раздвинула шторы и кинулась к выходу за завтраком.

— Ну, теперь ваша палата на самообслуживании. И есть можете ходить самостоятельно. Побегу. Там в другую палату новых тяжелых привезли. Потом забегу.

Максим опять остался один и, потихоньку облизывая ложку с ненавистной манной кашей, взялся за газеты. Когда, наконец, врачи отпустили его соседа, юноша уже прочитал репортажи о подвиге отца. Он не соврал профессору — в памяти отчетливо всплыла картина авиакатастрофы. И воспринимал он это довольно спокойно.

«Неужели из-за этого? — недоумевал он. — Ну если бы отцовский самолет рухнул, если бы уже в штопор ввалился. И то есть возможность катапультироваться. Вот когда надежды не осталось... Но такого не было. Судя по этим очеркам, батя не штопорил. Даже не пикировал. Неужели я такой хлюпик? А если бы на его месте был я?» И ему вдруг стало стыдно.

— Может, уколы уже не потребуются, — перебил его грустные размышления вернувшийся Хома. — Врач сказал. А ты как думаешь? — он испытующе взглянул на соседа.

— Надо всегда надеяться на лучшее, — нейтрально ответил Максим.

— Ладно, — вздохнул выздоравливающий. — Слышь, а не пойти ли нам во двор, воздухом подышать?

— Пошли!

— Постой, — одернул его порыв Хома. — Тебе сначала к профессору. Он ждет. Тебя проводить?

— Еще чего? — возмутился Максим и вышел в длинный прохладный коридор.

Сегодня здесь было оживленнее. Передвигались с процедур и на процедуры разной степени транспортабельности больные, сновали медсестры, везли на каталках неподвижные тела.

Операционный день? Или срочные операции? Одну из каталок вывозили из реанимации, и Максим мельком увидел там действительно сидевшую Анюту, которая беседовала с отцом. Точнее, что-то оживленно рассказывал офицер, а девушка улыбалась.

В кабинете профессора юноша пробыл довольно долго. Василия Ивановича мучил окончательный диагноз. Он боялся ошибиться. И это на тридцатом году работы! А что прикажете делать? Выставляешь диагноз: «Безнадежна», а больная резко выздоравливает. Поправляешься, пишешь — полная обездвиженность, а больная тебе кукиши показывает. Ну, в переносном смысле слова. Уже надо из реанимации переводить, чтобы другие тяжелые ее не шокировали. У другого молодого человека на фоне травмы диагностируется опухоль мозга. Пора уже в онкологию переводить, а тут нате вам — не только опухоль рассосалась, но и врожденное косоглазие куда-то исчезло. Ладно бы только по томографии. Так ведь сам оперировал, сам! И все видел! И

плакал от бессилия... А этого мальчика и не оперировал даже. Но тоже — столько времени без сознания. Думалось, вот-вот начнется... А он — пожалуйста. Сидит и довольно толково на все отвечает. И в себя пришел в один день с этими двумя. Или нет... До операции Пушкаревой. Значит, он первая ласточка в этих чудесах. Ему первому и двигаться. Значит — тяжелый шок? С сотрясением? Видимо, да.

— Вот что, Максимилиан, пора домой.

— Да? — искренне обрадовался пациент.

— Ну-ну, не сегодня. До конца следующей недели не отпущу. Пройдешь еще укрепляющие ванны, электрофорез, массаж. А там — и домой. Если, конечно, все будет хорошо.

— Будет, обязательно будет, Василий Иванович!

— Такой оптимизм — вещь хорошая. Ладно, иди. Родителю я сам позвоню.

— Ну что? — поинтересовался ожидающий его у двери Хома.

— Выпишут. Через недельку, — сообщил Макс, когда они по витой лестнице спускались во двор. — Странная лестница какая-то. Винтовая, как в замках.

— А это и был когда-то замок.

— Врешь!

— Еще чего. А ты не знал? Конечно, разве вас

это интересует? — зло ответил Хома.

— Почему, меня очень интересует. Я люблю историю.

— Ты, наверное, да. — Мальчишка долгим взглядом впился в лицо своего нового знакомого, но тот, занятый переставлением ног по лестнице, не обратил на это внимания.

— Да ты еще слабый, — понял вдруг Хома, увидев, что Максим остановился, вцепившись в перила.

Он крепко взял своего соседа по палате под руку и вывел, наконец, на свет.

— Просто давно далеко не ходил, — сконфуженно улыбаясь, объяснил юноша свою слабость, когда они устроились на скамейке.

— Ладно тебе... — начал, было, Хома и тут же прикусил язык, чтобы не вырвалось: «Уж я то знаю».

Он понял, что по какой-то причине его спаситель желает держать все в тайне. А в голове сейчас было так ясно и на душе так легко, что он был готов исполнять любые желания таинственного соседа. Лишь бы не вернулась ужасающая боль.

Максим молчал, подставив солнечным лучам лицо. И, странное дело, казалось, что солнце быстро возвращает ему силы. Он упивался весенними лучами, как жаждущий упивается родниковой водой. Измученный опытами по

целительству, юноша впал в состояние, похожее на купание в теплых ласковых волнах.

— Знаешь, вот идешь в школу, а кто-то свистит тебе. — сказал он через несколько минут. — Посмотришь — никого. А потом голову поднимешь — сидит вот такая штука и поет.

Макс кивнул в сторону гигантского каштана. Хома тоже взглянул в ту сторону.

— Шпак, — констатировал он, продолжая хрустеть чипсами.

И, действительно, на ветке купался в солнце, распахивая навстречу ему крылья и распевая свою неповторимую песню, скворец.

— Да, птичка, — согласился Максим. — Иди сюда, птица, — погруженный в свои мысли, рассеянно позвал он.

Птица, она же «штучка», вдруг прервав свое выступление, спорхнула с ветки и приземлилась на плече у позвавшего.

— Ты видел? Наверное, ручная, — удивился юноша. — Дай ему чипсов, — обратился он к Хоме.

Тот в изумлении протянул пестренькой птичке хрустящий кусочек, но скворец, испуганный этим движением, взвился ввысь и скоро вновь устроился на прежнем месте.

— Видишь, даже птицы не едят этой гадости, — все так же, не открывая глаз, прокомментировал Макс.

— А еще раз можешь? — не обращая внимания на антирекламу, спросил Хома.

— Что? — не понял собеседник.

— Ну, это... приказать, чтобы прилетела.

— Не-е, это она сама, — ответил подросток, вновь погружаясь в негу.

Хома ехидно покачал головой, типа «знаем-знаем», но спорить не стал и замолчал, пялясь по сторонам и хрустя так не понравившимся скворцу угощением.

Максим же в это время вбирал в себя солнечную энергию. Он чувствовал, что солнце быстрее всего восстанавливает его силы, что он здоров, что слабость вызвана только опытами по целительству и что для быстрого восстановления ему необходимы солнечные лучи. Очень легко думалось, и подросток вновь попробовал сделать выводы. Во-первых, этот неожиданный дар. В принципе, он может сейчас пойти к профессору и продемонстрировать это на новых или старых безнадежных больных. Он представил себе эту картинку. Изумление, слава... Слава? Запрут и будут исследовать. А потом толпы больных начнут приставать. Он вспомнил, как объявился в городе некий «святой», и его сразу же окружила толпа больных и калек.

«Им то всем хорошо исцелять, — с досадой подумал юноша. — А тут одного вылечить — такая

боль. Потом все равно скажут, что самозванец. Или запретят особо прибранных исцелять. Нет. Не хочу! Буду молчать. А там — посмотрим», — принял он окончательное решение.

Подросток открыл глаза и осмотрелся, наконец, вокруг. Действительно, больница была помещена в бывшем дворце, или поместье, или замке. Пышное, но запущенное здание летом наверняка утопало в зелени каштанов. Но сейчас на вековых деревьях только-только проклюнулись листочки. Старое здание, как и Максим, сейчас лениво грелось в лучах весеннего солнца.

Юноша вдруг отчетливо понял, что выздоровел. Ему хотелось общаться с друзьями, читать интересные книги, болтаться по вечерам по городку, тайком пробираться на аэродром и... пойти на уроки! Последнее желание было настолько удивительным, что он даже потряс головой. Может, он все-таки болен? Нет, его нестерпимо потянуло на занятия. Какое-то сладостное предчувствие новых чудес манило его, и юноша решительно поднялся со скамейки.

— Пора! — сообщил он сам себе, но был неправильно понят Хомой.

— Если боишься простудиться, то иди. Я еще посижу. Внутри такая вонища...

— Из-за нас и вонища. Что я, что ты — сколько под себя гадили?

— А пусть бы сразу же убирали. За это им и платят, — свернул второй подросток ответственность за запахи на других. — Тебя проводить? — вдруг проявил он заботу.

— Да нет. Я сам.

Максим на одном дыхании поднялся по крутой лестнице на третий этаж, прошел по коридору и остановился у стола дежурной.

— Светланочка, а когда меня выпишут? — спросил он у болтающей по телефону медсестры.

Медсестра, возмущенная таким обращением, вскочила и резко обернулась. Но, увидев улыбающегося пациента, почему-то перекрестилась и тяжело осела на стул.

— Чудеса, — прошептала она.

— Что? Что? — пытался уточнить заинтригованный подросток.

— На себя посмотри, что, — посоветовала медсестра. — Час назад я тебя отпустила во двор. Белый как смерть (тьфу, тьфу, тьфу) был. А теперь? Кровь с молоком.

— Загар, весеннее солнце, — даже не заглядывая в зеркало, оправдывался Максим.

По собственному самочувствию он понял — девушка не врет.

— И ты туда же. Чудеса продолжаются, — констатировала она. — Когда выпишут? Пока полностью не исследуют ваши случаи — не

выпишут.

— А сколько это — полностью? — озадаченно попытался уточнить юноша.

— Это у профессора спроси... Сейчас даже смену сдавать не хочется, — продолжила она. — И Маринка молчит. Что ни спрошу о той ночи, «не помню» говорит. А ведь она-то все помнит, язва эта.

Максим сел рядом на убогий стул и удивленно уставился на медсестру.

— Ну, чего zenки вылупил? Тоже влюбился? А я говорю — язва! — почему-то озлилась медсестра. — Послушай, парнишка, я знаю, что говорю. И если она молчит, значит...

«Я ее просил молчать, — вспомнил подросток. — И она молчит. Очень мило. Может, еще и гипноз? Или что?» Он вспомнил сегодняшнего странного скворца и решил проверить.

— Пора спать, — скомандовал он болтушке. Та вдруг прервала свою избалованную речь, зевнула и стала расстегивать халат.

«Может, прикалывается?» — подумал Максим, когда толстушка расстегнула последнюю пуговицу. Но девушка аккуратно повесила халат на стул и стала стягивать свитер.

— Черт знает, что, — прокомментировал произошедшее Максим и, прикоснувшись к

спящей, произнес: — Подъем! Быстро одеться!

Девушка стремительно вскочила и в пределах своей сноровки быстро накинула халатик.

— Проснуться!

Медсестра через мгновение уже щебетала с кем-то по телефону. Судя по голосу, она ничего не помнила.

— Черт! Вот черт побери! — полувосхищенно, полузадаченно пробормотал Макс. — Значит, могу? И профессора можно вот так попросить? И еще много чего, — мелькнула у него мысль. — Как Мессинг? Тоже неплохо.

Его рассуждения были прерваны появившимся Хомой. Тот вновь был хмур и неразговорчив. Впрочем, и Максиму было не до разговоров. Он открыл толстый том Дюма и погрузился в роман, разбавленный его же грезами. И только перед вечерним обходом он, узнав, что будет профессор, сказал Хоме, что, видимо, его очень скоро выпишут.

Глава 4

Вечером, заглянув в ярко-голубые глаза добрейшего Василия Ивановича, Максим попросил:

— Выпишите меня, пожалуйста, завтра.

— Но мы же с вами, юноша, договорились... — начал профессор.

— Но доктор... Я уже почти здоров. Мне нечего здесь делать... Мне пора домой. Мне надо в школу, — просительно, но твердо ввинчивал он в глаза врачу свои желания.

— Нет, каков наглец! — прокомментировал мнение больного профессор, обращаясь одновременно и к молодым людям в халатах, и к Хоме. А впрочем...

— Надо, профессор, надо, — подыскивая убедительные слова, продолжил Максим. — Вы завтра утром поймете, что надо.

— Вы наглец, молодой человек. Вот с каким контингентом приходится работать, — вновь обратился он к сопровождающим его. — Только-только очухаются, а уже командуют. Впрочем, динамика выздоровления очень впечатляющая. Да я вам потом в кабинете расскажу и об этом случае. А это — наш Хома, наша гордость, наш уникам. Я его сейчас бегло осмотрю... Как вам известно, более тщательные у нас утренние обходы. А этот — больше ради вас. Прессу мы все уважаем.

«Журналисты, — похолодел Максим. — Надо же было мне перед прессой... А если бы профессор... Или я бы не те слова нашел. Гоняйся потом за каждым, чтобы забыли. Но все-таки надо быть осторожным. А я и был».

Довольный собой, подросток с улыбкой

наблюдал, как доктор тормозит Хому, одновременно осмотрительно давая комментарии для прессы.

— Теперь ты звезда, — сказал он к Хоме, когда все ушли. — Будет о тебе в газетах. Больше, конечно, о профессоре, но и о тебе тоже.

— А о тебе?

— Мой случай не уникальный. Даже не вспомнят, — пожал плечами Максим.

— А тебя завтра выпишут?

— Хотелось бы.

— Значит, выпишут. Профессор, он, наверное, тебе как тот шпак, — проворчал Хома, гася свет и отворачиваясь к стене.

«Что-то понял», — решил Максим, сладко зевая.

Но предчувствия новых встреч, новых возможностей и новой жизни были столь сладки, что он отогнал мысль о Хоме.

«Ну его», — решил юноша, засыпая.

Сейчас ему грезились таинственные подвиги и всяческие романтические способы применения своих новых дарований. Очень некстати оказался под рукой «Монте-Кристо». А может, и вовремя? Черт его знает, что натворил бы подросток и какие скандалы разразились бы, если бы вместо этой книги кто-нибудь подсунул ему «Эммануэль».

— Ну что же, пора. Думаю, залеживаться тебе

не следует. Динамика исключительно положительная. Пора, — профессор тяжело вздохнул. — Пора, — повторил он. — Отцу я позвонил, так что прощайся.

— До свидания, профессор, спасибо вам, — начал Максим.

— Да нет, — рассмеялся Василий Иванович. — Не со мной. С новыми знакомыми, с друзьями, так сказать, по несчастью, с обслуживающим персоналом. А мы с тобой прощаемся попозже. Когда тебя забирать придут. А вас, молодой человек, попрошу в кабинет, — кивнул Хоме профессор и, ссутулившись, вышел из палаты.

— Чего это он? — спросил Макс у Светланы, когда из палаты вышел и Хома.

— А, все эта пресса. Вчера приходили, видел? Он перед ними бисер метал, а они... Там, в четвертой палате, — очень тяжелый. Тоже профессор оперировал. Половину мозгов удалять пришлось. Так он — родственничек одного из этих журналистов. Ну вот, тот и говорит в конце интервью: «По какой таксе вы эти чудеса устраиваете? За Богдановича вам что, недоплатили? При одинаковых травмах одна уже на ногах, а он — в сознание не приходит»? Ну что тут ответишь?

— Ну, что время не пришло.

— Нет, наш Василий Иванович врать не

будет, — с гордостью отвергла эти предложения Светлана, заканчивая утреннюю уборку. — А ты вот выписываешься.

— Ну...

— Счастливо тебе, — привычно пожелала медсестра и выскочила передавать смену.

«Не знает и ничего не помнит», — понял подросток. Это радовало, но и вызывало грусть. Он тут такое сделал... и никто не ценит. Не знают. Думают, профессор. Сердце на мгновение обожгла ревность, но сейчас же уступила место здравому смыслу. Никто ничего не знает. Сам хотел этого. Профессор... хороший добрый старик. И такие операции! А сейчас — на тебе. Не верят. Он вспомнил согбенную спину профессора, вспомнил, каким счастливым майским жуком он влетал, когда дела больных шли на поправку.

«Отблагодарить? — пришла вдруг мысль. — А почему бы и нет? Силенок хватает. Напоследок? Один разочек, — уговаривал он себя, ежась от воспоминаний о боли. — Потом на солнышко... Ну, действуй».

Макс быстро прошмыгнул в соседнюю палату. Она ничем не отличалась от его палаты номер три, разве что два тяжелых неподвижных тела с забинтованными головами издавали пренеприятнейшие запахи. Видимо, после ночи до них у медсестер все еще не дошли руки. Но думать

о причинах и последствиях было некогда. Максим протянул ладони сразу над обоими. («Дуплетом», — пронеслась и сразу исчезла шальная мысль.) Теперь он больше знал, что и как следует делать. Мысленно проник в мозг каждого и увидел похожие на предыдущие повреждения: черную опухоль — у одного и знакомую черную пропасть — у другого. «Вырезали у этого, — понял он про несчастного с пропастью. — Это он — родственничек журналиста. Но второй... Он же не виноват, что не имеет влиятельных родственников. Ладно, обоих. Времени, конечно, для полного излечения мало. Ну, хоть полпути к выздоровлению осилим. Могу же помочь! Должен, если могу!» И появились уже знакомые лучи, и пришла уже знакомая боль...

Возвращавшийся с осмотра Хома подхватил стоящего в коридоре Максима и затащил в палату.

— Что с тобой? Опять? Где? — задавал он вопросы, тормоша соседа. — Ты это... Не отрубайся. Чего тебе?

— Солнца. Во двор...

— Я помогу. Ты только не отрубайся, — повторил Хома, поднимая Макса с кровати.

Последние два пролета лестницы он практически нес Максима на руках.

— Ну вот, — тяжело дыша, сказал Хома и усадил на скамейку паренька.

— Спасибо, — прошептал Макс, подаваясь вперед и вверх, к лучам солнца.

— Спасибо, — язвительно проворчал Хома. — Нашел время! Скоро батька приедет. А ты что вытворяешь?

— Пока приедет, я оклемаюсь. Мне главное — солнышко. И — покой, — ответил Макс, не вдаваясь в подробности.

— Ладно, отдыхай, я отойду, — обиженно ответил подросток и резко рванул внутрь здания.

Макс не отреагировал. Он был измучен и опустошен.

«И как они делают это с толпами? — подумал он о великих целителях. — Может, какое обезболивающее принимают?»

Он вдруг улыбнулся этой мысли, а затем оцепенел, впитывая в себя солнечные лучи. «Вот что чувствует аккумулятор при подзарядке».

Хома в это время сидел в палате, ожидая развития событий. Но было тихо. Не выдержав, он пошел в соседнюю палату. Таинственный сосед выходил отсюда, выходил никакой, как тогда, когда лечил его. Значит, вот-вот начнется. Он еще брезгливо смотрел на этих «живых трупов», когда один из них зашевелился, попробовал приподняться, затем гнусным голосом заныл: «Сестра, утку!» После повторения этого призыва в палату вбежала медсестра — та самая красавица, с

которой о чем-то шептался его сосед. Она машинально подложила под больного заказанную посудину, затем всплеснула руками и выскочила вон.

«Звать профессора», — понял Хома.

— Где я? — спросил вдруг второй больной.

«Ну, началось», — понял Хома и, ответив вопрошающему, что тот на поле чудес, решил ретироваться. В коридоре он столкнулся с офицером и его дочкой. И хотя подросток, как и все местные, недолголюбивал «белую кость», мужик был такой счастливый, а идущая под руку девчонка так радовалась, что юноша широко улыбнулся им в ответ и кинулся во двор.

— Там началось, — сказал он и осекся.

Недавно расслабленный, обессиленный Макс теперь излучал здоровье и угощал невесть откуда взятыми червями чету скворцов. При появлении незнакомца птицы вспорхнули с руки кормильца и, устроившись на самой нижней ветке ближайшего каштана, стали ожидать продолжения трапезы.

— Круто! — прокомментировал увиденное Хома. — А черви откуда? Тоже позвал к себе? Как птичку?

— Да нет! После дождя выползли сами.

Представив себе картинку, как он зовет червей, а они ползут на угощение скворцам, подросток весело рассмеялся.

Хома тоже рассмеялся.

— Там это... Началось... В соседней палате начали выздоравливать.

— Уже? — вырвалось у Максима.

— Да, а что? Пойдем, посмотрим, как профессор метаться будет.

— А, — сосед равнодушно махнул рукой. — Неинтересно. Только мешать будем.

— Я тебе помогу.

— Мне? Спасибо, не надо. Уже очухался. Это так, временная слабость была. — И, глядя на сомневающуюся физиономию Хома, предложил: — Хочешь на ручках?

Через несколько минут, после того как Максим трижды одолел противника, Хома наконец решился.

— Вот, возьми, — сказал он, снимая с шеи и протягивая своему спасителю довольно массивный золотой крест.

— Ты что, зачем? — отверг Макс подарок.

— Послушай. Я редко прошу. Тем более — у ваших. А сейчас, видишь, прошу. Возьми. И носи на память. Можешь потом не носить, но хоть сейчас. Хоть немного. Нагнись.

Максим покорился каким-то жалобным нотам в этой просьбе и наклонился. Теплый крестик пощекотал грудь и мирно повис среди прорезающейся поросли. Подаривший его юноша

пристально, чего-то ожидая, смотрел на крест, затем на товарища, затем — опять на крест.

— Значит, чистый, — облегченно вздохнул он.

— Ты о чем?

— Да так. Носи. Он твой.

— Но мне нечего подарить тебе в ответ.

— Ты мне уже подарил, — ответил Хома, обнял Макса и тотчас, устыдившись своей «неужской» слабости, кинулся назад в больницу.

«Знает, — подумал Макс, оставшись один. — Придется и ему в глаза заглянуть».

Хотя проявленная благодарность и тронула, он испугался, что Хома все-таки разболтает о том, что узнал. Не по-детски озабоченно вздохнув, он докормил вновь примостившихся на руке скворцов. Посоветовал им пастись дальше самостоятельно и пошел укладываться.

Выписка прошла без особых эмоций. Профессор, растерянный из-за новых удач в лечении, рекомендовал душевное спокойствие и покой вообще, сообщил, что в школу все-таки следует пойти, но если учеба будет тяжело даваться, он сможет освободить Макса от посещения занятий, мол все равно выведут по среднему. Выписав каких-то порошков и пилюль, он приказал быть под наблюдением своего участкового врача, рассеянно выслушал

благодарность Белого-старшего, после чего распрощался с обоими Белыми. Больше их в больнице ничего не удерживало. Болтушку Светлану сменила строгая Марина, она холодно приняла от отца Максима коробку конфет. Самому же подростку многозначительно шепнула, что «должничка» все равно найдет. Хома куда-то исчез, с остальными Макс познакомиться не успел. Уже ничто не удерживало решительно. И только при переодевании в свою одежду возникла некоторая проблема. Джинсы, рубашка, джемпер мало того, что свободно болтались, они были заметно коротки — руки и ноги выглядывали на добрую треть.

— Ну, ты, сынок, и дал! Вот это вытянулся, — с удивлением объяснил эту странность отец. И, действительно, стоя рядом с отцом, Максим с радостью осознал — вырос. — Если сейчас одеть комбез и — на аэродром, то ни у кого и вопросов не будет.

— А он у тебя длинный, — констатировал подошедший к машине Пушкарев.

Теперь, когда Белый-старший стал героем и ему, по мнению многих, светила генеральская должность в столице, начальствующий состав начал принимать вчерашнего рядового летчика за равного. Вот и сегодня, узнав о том, что Белому надо ехать забирать сына, Пушкарев вновь предложил ехать вместе на его машине — ему все

равно надо было провести семью.

Максим односложно поздоровался и устроился на заднем сидении. Мужчины сели спереди.

— Как Аня? — поинтересовался Белый-отец.

— Спасибо. С каждым днем лучше. В школу, конечно, в отличие от твоего, не успеет. Ну, за лето, думаю, наверстает.

— А Надюша?

— Тоже поправляется. Ей главное лекарство — Анятино хорошее самочувствие. Хотя, сам понимаешь, инсульт — не шутка.

— Да... — вздохнул пассажир.

Они помолчали, а затем перешли к разговорам на служебные темы.

— Кстати, — обратился вдруг Пушкарев к юноше. — Ты не скажешь, кто с тобой в палате лежал?

— Парень один. Хома зовут.

— Хома? М-да... Странно. А фамилия? Он кто такой вообще и откуда?

— Не знаю. Он мало разговаривал. У него долго голова болела.

— А почему он тебя заинтересовал? — полюбопытствовал его отец.

— Да меня кроме моих сейчас ничего особенно не интересует. Сам понимаешь. Анята

почему-то заинтересовалась. Узнай да узнай, кто здесь из мальчишек лежит. Я ей говорю, брось глупости, какие еще мальчишки, а она за свое. Про твоего рассказал, а она: «Кто еще?» Вот и узнаю. Да ладно, спрошу у врача.

Такое «неблагодарное» поведение девушки больно укололо Макса. Он помнил, что смалодушничал и не приказал Анюте забыть про его целительные посещения. И вот вам пожалуйста: чуть в себя пришла — и других пацанов ей подавай.

Потом он вспомнил, что за этой кутерьмой не успел заглянуть в глаза Хоме, но мысленно махнул на все рукой и уставился в окно.

В действительности все было не так. Пушкарева не была неблагодарной. По крайней мере — не в этом случае. Она запомнила оба посещения какого-то юноши. Она не догадывалась — просто знала, что обязана жизнью далеко не профессору, а исцелением — не профессору вообще. Но помнила только невысокий силуэт, мягкий голос и яркие лучи, проникающие в самые глубины души (мозга — не так романтично). И она, едва начав говорить, стала разузнавать у отца, кто из мальчишек здесь лечится.

— Видел сына Белого. Когда к тебе шел, ну, когда ты выздоравливать начала, столкнулся.

— И что? — напряглась Анюта.

— Ничего, — пожал плечами отец. — Его как

раз медсестра из туалета вытаскивала.

— Вытаскивала? — разочарованно переспросила девушка.

— Ну, вела. Слабый он совсем.

— А еще? — потеряла к Максиму всякий интерес Аня.

— Не знаю. Да и зачем тебе? Уж здесь-то без них можно обойтись? И так вон, довели.

— Не надо, папочка. Я ничего не буду. Честное-пречестное. Ты только узнай.

Вот поэтому теперь Пушкарев мимоходом и наводил справки о Хоме. Не зная всего этого, Максим обиженно молчал, рассматривая здания и узенькие улочки древнего города.

— А правда, что на месте больницы раньше был замок? — спросил он, вспомнив разговор с Хомой и винтовые лестницы.

— Очень может быть. По архитектуре похож. Только не замок, а дворец, — ответил отец. — Вот у нас, на родине, замок Радзивиллов вообще под санаторий отвели. Очень интересно.

— В Питере на Каменном острове тоже чей-то дворец под наш санаторий заняли, весьма оригинально, — дополнил Пушкарев, и разговор перешел на достопримечательности Северной Пальмиры.

— Давай прорвемся в этом году? — обернулся к Максиму отец.

— Я вроде на море собирался.

— Ну, каникулы у тебя длинные, можешь туда и туда.

— Счастливая пора, — прокомментировал Пушкарев. — Только сами дети не ценят. Мне тоже придется отправить своих в санаторий, — заметил он вздохнув.

Они наконец вырвались с узеньких улиц, миновали дымные предместья и помчались по усаженной фруктовыми деревьями дороге. Весна решительно брала свое. На горизонте зеленели горы, уже полностью освободившиеся от снега. Украшались нежными листочками ветви деревьев. На солнце всю отливала изумрудом первая травка на полях. Рассеянно глядя на мелькающую зелень, Максим думал о произошедшем. «Если это не чудесный сон и не бред, то что же? И что его ждет впереди? И как пользоваться этим даром? Дарами, — поправился он, вспомнив и гипнотические опыты. — Будет день, будет и пища», — решил он, а когда сквозь стекло пробились солнечные лучи, подставил им лицо и блаженно задремал. Больничная эпопея закончилась.

Глава 5

— Следовательно, преобразуем это вот так,

затем... Ты куда смотришь? — спросила Татьяна, уподобляясь строгой учительнице.

— Весна. Сирень цветет, — беззаботно ответил Макс...

— Тебе надо алгебру...

— Да сто лет мне не нужна алгебра эта!

— Так мне уйти?

— Но я же про алгебру, а не про тебя.

— Макс, будь посерьезнее. Ты не передумал насчет летного?

— Нет, конечно.

— А там математику сдавать придется.

— Да знаю я. Но мне это неинтересно. Понимаешь, — решил он приоткрыться. — Я знаю алгебру. Прочитал этот учебник, потом тот, что ты мне давала, и все понял.

— Прочитал и понял? Молодец, — иронично похвалила девушка. — Но решать же все равно надо.

— Я и решаю. В уме.

— Это как?

— Ну, не знаю. Приходит ответ и все.

— Не дурачься. Скажи, что не хочешь заниматься...

— А если это правда, пойдем гулять на дамбу? Там сейчас так соловьи поют...

— Ты мне зубы соловьями не заговаривай. На дамбу... Ну ладно... Вот эта задача. Решай.

— Нет, ты скажи, пойдём?

Татьяна отложила сборник задач и внимательно, как-то по-новому, оценивающе взглянула на юношу.

Для понимания сути разговора следует знать, что в военном городке, где царили строгие нравы, даже простая прогулка детей порой вызывала разговоры. Поэтому и гуляли в основном компаниями. А прогулка за пределы городка — на высокую дамбу горной реки с густо заросшей кустами поймой — означала новое развитие отношений. Хотя, к чести таких гуляющих следует сказать, что в их возрасте и прогулки на речку были именно прогулками без каких бы то ни было вольностей. Ну, почти без никаких. Поэтому и рассматривала сейчас Татьяна своего подопечного, позволившего предложить такое пари. Вообще-то он стал ничего. Сейчас, когда похудел и вытянулся... Одна девчонка из их класса еще раньше признавалась в их кругу, что Максвелл ей интересен. А что будет теперь... Пожалуй, такое пари можно и заключить. Как весьма вероятное согласие при очень нереальных условиях.

Максим тем временем тоже рассматривал Татьяну. Она подросла за зиму, стала более стройной и гибкой, чем-то напоминала тянущуюся к солнечному свету березку. Татарская кровь отца давала о себе знать чуть раскосыми глазами и узким

носом, но это только придавало ей красоты. Максимум вдруг захотелось погладить ее волнистые волосы. Не осмелившись на такой поступок, он мысленно погладил Рыжика — их домашнего жирнущего хомяка, сейчас почивающего на коленях у Татьяны. Соскучившийся по ласке зверек умильно закатил свои глаза-бусинки. Затем озабоченно осмотрелся. Максим успел еще на расстоянии почувствовать пушистость его шерстки, когда испуганный невидимыми руками Рыжик съехал с коленей девушки и коlobком покотился в свой спасительный домик.

— Хорошо, — решила Татьяна, провожая недоуменным взглядом удаляющийся меховой шарик. — Вот три задачи. Выбирай. Решишь в уме хотя бы одну — идем.

— Почему одну? — ухмыльнулся Максим. — Давай. Записывай.

Слегка нахмутив лоб, он с минуту смотрел на задачи, затем предложил девушке взять ручку и надиктовал все три ответа.

— Какой-то фокус, — заявила Татьяна, сверив результаты. — Признавайся, ты просто выучил ответы на задачи?

Она замолчала, сама поняв дикость предположения. В конце концов, зазубрить формулы ответов было, наверное, сложнее, чем понять логику решения этих задач.

— Да нет, я же сказал, в уме решаю.

— Ах в уме... Ну хорошо. Вот задача из другого учебника. Уже за десятый класс. Тоже решишь?

Все повторилось. Максим посмотрел на задачу и продиктовал ответ.

— Вперед? — поинтересовался он, отпихивая учебники на край стола.

— Никуда не пойду, пока не признаешься, в чем тут фишка.

— Но так нечестно, — обиделся юноша. — Ты обещала...

— Что обещала? Это ты обещал, что решишь задачи. Решишь! А сам только надиктовал ответы.

— Но если я сказал ответы, значит, я решил?

В этом была своя логика, и Татьяна, собираясь с мыслями, обвела взглядом комнату, в которой они занимались. Особого внимания почти ничего не привлекало. ДОСы, они и в Африке ДОСы. Добротный кирпичный теплый дом. Высокие потолки. Недорогая, неброская мебель. Разве что модели, модели и модели указывали на то, что здесь живет фанатик авиации. А модели «Востока» и «Мира», стоящие на самом видном месте — письменном столе, — свидетельствовали, что не только авиации. В свое время Макс провел даже школьный вечер, посвященный космонавтике. Было занимательно, но не для всех. Кроме того, книги.

Много книг. Интересно, что он читает? Когда-то, очень-очень давно (три года назад!) он выпросил у нее какую-то фантастику. Что там было? Не вспомнив, она, наконец, нашла, что возразить.

— В конце концов, не заявишь же ты нашей математичке, что ты вот так решаешь.

— Заявлю.

— Ну-ну, похихмишь. Но в контрольных требуется решение. Поэтому, будь добр.

— Ладно, попробую, — сдался юноша. — Но, знаешь, в мозгу это так быстро мелькает.

— А ты притормаживай.

— Ладно, записывай, — Максим начал диктовать.

— Интересно. Очень интересно. Я решала по-другому. И предлагают по-другому. Но, конечно, так лучше. А еще надиктуешь?

— Таня, я тебе надиктую целый учебник, но потом. А пока, может, пойдем? — жалобно попросил Максим.

— Ловлю на слове. Ну что же, проиграла, пойдем, — притворно вздохнула девушка.

До дамбы было совсем недалеко, по старому полуржавому железнодорожному пути, мимо гигантских емкостей нефтебазы, какого-то охраняемого злой шавкой склада. Когда-то дамба была выложена бетонными плитами, в стыках которых высадили кустики. Сейчас они бурно

разрослись и стали приютом для многочисленных соловьев. Эти птицы устраивали весенними ночами неслыханные и неповторимые концерты. И если в вашем сердце пробуждалась, цвела или хотя бы тлела любовь, они наполнят ее новой силой... Макс был уверен в цветении этого чувства.

— Как они поют, — прошептала Татьяна, — особенно те, которые на речке!

И, действительно, в густых непроходимых кустах поймы соловьи прямо-таки захлебывались.

— Пойдем туда? — несмело предложил Максим.

— Ты что? Там вон какая темень.

— Да ты не бойся.

Он решился и приобнял ее, положив руку на плечо девушки.

— Да я и не боюсь, но влезем в грязюку.

Девушка не сбросила руку, лишь как-то неловко потерлась щекой о шевровый рукав летной куртки Белого-старшего. И этот жест, это принятие его ухаживания привело юношу в тот самый щенячий восторг, характерный для всех влюбленных при первом проявлении взаимности.

— Они сейчас сами сюда прилетят и тебе петь будут!

— Не надо хохмить. Красиво как, правда?

Кавалер уже не слушал. Вспомнив больничных скворцов, он мысленно предложил

певцам корм. Отсутствие реакции развеселило его. Ну, конечно, ему бы сейчас предложили, к примеру, шашлык. Бросил бы он ради этого Татьяну? И он предложил им другое — красавицу-соловьиху. Он стал внушать невидимым певцам, что вот она — их самая желанная — идет по дамбе, и все они хотят завоевать ее расположение.

— Сейчас они прилетят и будут петь для тебя, — шепотом сообщил Максим девушке.

И, действительно, через несколько мгновений чуть ли не из-под ног, в уходящих вниз кустах защелкал первый ухажер, затем второй, пятый, десятый...

— Что это? — прошептала изумленная девушка.

А серая певучая братия все прибывала и продолжала свой удивительный конкурс.

— Они поют для тебя. Поют, как будто... любят тебя! — восторженно заметил Максим.

Но этими словами он разрушил ту хрупкую идилию, которая сложилась из весны, лунного света и соловьиных трелей.

— Перестань. Они поют для своих подружек, — громко сказала Татьяна.

Хор певцов испуганно притих, но вскоре соловьи снова затенькали на все лады.

— Нет, я не то хотел сказать, — оправдывался подросток. — Они поют о любви — это точно, и

поют сейчас для тебя.

— Ладно, пошли, поздно уже, — повелела девушка, по-кошачьи мягко выскользывая из-под его руки.

— Ладно, — разочарованно вздохнул Максим. — Ну, кыш, по домам, — уныло вслух скомандовал он, и шум десятков крылышек дал понять, что концерт окончен. Вскоре те же песни стали раздаваться вдалеке.

— Кыш! — рассмеялась девушка. — Как кур каких разогнал.

— Да это я так, вспугнул немного, — спохватился Макс. — Знаешь, — перевел он разговор на другую тему. — Однажды мы с отцом очень поздно возвращались с рыбалки. И за нами бросилась псина с нефтебазы. Ну, не то чтобы псина, но я малый был, очень испугался. И сиганул через вон тот ров. И перепрыгнул. Представляешь?

— Фантазер. Тут метров восемь.

— Ну и что?

— Что, что? Я не дитя малое. Знаю, на сколько прыгают. Восемь метров — это международный класс. А ты — в детстве? Почему же ты здесь, а не на олимпиаде?

— Бимон раз в жизни прыгнул на восемь девяносто.

— Ну, за восемь прыгают не раз в жизни.

— Так то спортсмены, а я ребенок был.

— Врунишка ты, врунишка. Знаешь, Максимка, я тебя с первого класса помню. Ты все время до этой болезни... Нет, до этого класса пончиком был. Ну куда тебе было так прыгать?

— Но зачем мне врать?

— Если хочешь со мной дружить, перестань врать. Расскажи лучше что-нибудь интересное. Отец тебе ничего поподробнее про аварию не рассказывал?

— Он не любит об этом говорить. Мрачный становится. Говорит, что люди погибли, это не комедия, которую на бис пересказывать можно.

— Он прав. Он вообще у тебя молодец. Нравится он мне.

— А я? — простодушно поинтересовался юноша.

— Если завираться не будешь. А так, конечно, — лукаво покосилась на него девушка.

Это вновь наполнило его восторгом и желанием сделать что-то необыкновенное.

— Ты видела, как ведут себя ночью майские жуки? — спросил он вдруг, когда они проходили мимо огромного фонаря, освещавшего ворота нефтебазы.

— Ну как... Летят, бьются о фонарь и падают. Мой отец их тоже на рыбалку собирает.

— А их танцы не видела?

— Что? — Татьяна удивленно посмотрела на

Максима. — Танцы майских жуков?

— Ну да, — он взглянул на часы. — Сейчас как раз без десяти одиннадцать.

— Домой пора, — вздохнув, прокомментировала Татьяна.

— Ты послушай. Ровно без пяти одиннадцать вот здесь они устраивают воздушные танцы. Посмотрим?

— Ну, ты или фантазер, или врунишка, или... Ну ладно, пять минут уже не спасут. Проверим.

— Только надо тихо, — попросил Максим.

Он попробовал перевести свое настроение в музыку — и она зазвучала. Он вспомнил вальс цветов из «Щелкунчика», вспомнил танец цветов из этого мультика и поднял его вверх, к фонарю, делясь своей радостью с кружащей вокруг фонаря живностью. И это началось. Неповоротливые майские жуки образовали круг, который, пульсируя, то расширялся, то сужался. Затем он превращался в цветок, в звезду, в шар... А когда в воздушный вальс вступили и ночные бабочки, танец превратился в феерию. Но командовать примитивными существами было ужасно трудно — юноша ощущал недоумение каждого жука, выделяющего па вокруг фонаря. «Да, все здорово, все прекрасно, но вот это-то зачем?» — словно спрашивали они, выстраивая сложные фигуры. Наконец, обещанные пять минут прошли и

Макс, облегченно вздохнув, отпустил участников кордебалета с миром.

— Ну как? — спросил он у своей попутчицы. — Кто врет?

— Что это было? — спросила ошарашенная девушка.

— Ну я же тебе сказал.

— Нет, что это было? Это они всегда так? Надо будет заснять, — шептала Татьяна, приходя в себя. — Круто... Никогда бы не подумала! Ты часто видишь такое?

— Где там часто? — начал врать Максим. Он представил толпу знакомых с видео, снимающих ночью фонарь, и хмыкнул. — Это уж как повезет.

— Но ты сказал, в определенное время...

— Но не каждый же день! Только иногда. Очень редко. Нам просто повезло, — придумывал он оправдание на случай, если девушка действительно придет без него любоваться на хороводы майских жуков.

— Ты знаешь, с тобой очень интересно. Спасибо. До завтра. Ты же завтра на занятия идешь?

— Ну да, уже пора.

— Все-все. Вон там мои предки мелькают. Ищут. Разбежались до завтра, — метнулась к своему дому девушка.

Ухажер тоже пошел домой. Бояться

Татьянинных родителей было нечего — он ничего плохого не сделал. Но мама блюла дочку — примерную во всех отношениях девочку. Поэтому прогулка с ней после «комендантского часа» (после десяти часов вечера!), да еще за пределами городка — могла обернуться неприятностями. А может, и нет. Но проверять реакцию взрослых ему не хотелось, тем более, что в душе кто-то тепло и нежно играл на скрипке. Заснул Максим счастливым. Даже идиотские выходки с соловьями и насекомыми не показались ему чрезмерными. Он всего лишь проверил некоторые свои способности и был доволен. Но все же надо быть осторожным!

«Осторожным! Устроил цирк, а потом навешал Таньке лапши на уши», — улыбаясь, возразил себе влюбленный юноша.

Глава 6

— Когда помашемся? — поинтересовался первым делом Кот.

Ссора была давняя и пустяковая. Возможно, Максим в своем сарказме был тогда и неправ. Но извиняться? Думалось — забудется. Не забылось.

— Послушай, — примирительным тоном начал Максим.

— Головка ослабла? Это мы слышали. А как насчет всего остального? Если что — ты не

скрывай, мы тебе памперсов живо прикупим.

Таким злым Макс не видел Котова давно. Что-то произошло. Какая-то новая злость, прямо ненависть какая-то.

— Ну хорошо, когда скажешь...

— На большой перемене.

— После уроков.

— А чего откладывать? Не успеешь за памперсами? Ну, так мы зашлем кого-нибудь.

— Судя по карканью, махаться будем серьезно. Или хочешь, чтобы препода нас растягивали?

— Думаю, я за перемену отправлю тебя отдыхать дальше. Ну, да ладно. Ждал долго, подожду еще.

— Ждал. Чего же ты ждал? Надо было в больницу и зарулить. К лежачему. Ишь, осмелел сейчас. Ничего, кот помойный, получишь.

Они схватились за грудки, и, если бы не звонок, разборка началась бы немедленно. Но оба петуха вернулись за свои парты, время от времени переглядывались, пытаясь уничтожить противника взглядом.

— Здравствуйте, садитесь, — сдержанно поприветствовала вставших подростков учительница математики Ирина Сергеевна, по прозвищу Стервоза.

Ее не любили ученики, и она платила тем же.

Еще довольно молодая и очень симпатичная даже по меркам пятнадцатилетних максималистов, она казалась им черствым представителем преподавательского племени. Из тех, кого никогда не называли учителями и тем более педагогами. Такие преподаватели сразу зачисляются в противники, и с ними с попеременным успехом ведется невидимая битва. Ни интереса, ни уважения, ни тем более любви к своему предмету они привить не могут, да и не стремятся к этому. Они чувствуют, как к ним относятся ученики, и рано или поздно отвечают им взаимностью — если не ненавистью, то упорной неприязнью. И особенно к тем, кого подсознательно невзлюбили. В число таких, увы, попал и Максим Белый.

— Сегодня в порядке подготовки к экзаменам мы повторим с вами некоторые темы и порешаем наиболее сложные задачи, — сообщила Ирина Сергеевна. — Дежурный, кого нет? — впервые оторвала голову от журнала математичка.

— О, Белый вернулся! — радостно воскликнула она. — Наслышана, наслышана. И о тебе, и об отце.

— При чем здесь отец? — вспыхнул Макс.

— К доске, Белый, к доске.

— Но, Ирина Сергеевна, он сегодня первый день. Давайте уж я, — предложил себя в жертву Сергей.

— Ты, Огоньков, свою «пару» успеешь получить. Сиди, борец за справедливость. Я же сказала — будем повторять, так как повторение крайне полезно каждому. Ты сам как думаешь? — обратилась она с вопросом к уже вышедшему к доске ученику.

— Не знаю, — пожал плечами подросток. — Это как таблицу умножения повторять. Полезно, но нудно.

— Ладно, не будем спорить. Посмотрим, что полезно и что нудно, — затем резко обратилась она на звук: — Что такое?

Это, предвкушая необычную забаву, фыркнула кое-что уже видевшая Татьяна.

— Итак, запишем условия задачи под номером... Или нет.

Она посмотрела на безмятежную жертву и, почувствовав какой-то подвох, изменила свои планы.

— Записывайте, а ты пока отойди, пожалуйста, — и Стервоза, сверяясь с конспектом, вывела довольно длинное заковыристое уравнение.

— Приступим, — скомандовала экзекуторша. — А ты, Белый, пожалуйста, решай у доски.

— Но так нечестно! — взвилась сидевшая на передней парте Кнопка — самая младшая и самая маленькая из девчат, безнадежно и безответно

влюбленная в Максима. — Белый только пришел. Мы при нем таких уравнений не решали.

— Если он хорошо помнит предыдущую тему, то сможет решить и это. В математике все последовательно вытекает одно из другого, — с деланным спокойствием холодно ответила Стервоза. — А по поводу честности... Белый освобожден от экзаменов. Это вам известно. И получит среднюю оценку по итогам года и четверти. Поэтому будет как раз справедливо, если он будет все-таки стараться, как и вы. У нас нет и не будет скидок и поблажек сыновьям героев.

— Что-то герои ей не по душе. Вот заело, — намеренно громким шепотом прокомментировал это заявление все тот же Сергей.

— Встань и выйди из класса, — вспыхнув, отреагировала учительница. — И дневник на стол.

— Пожалуйста. И напишите, что Вам не нравятся герои. Не какие-нибудь литературные, а настоящие.

— Сядь и не пори глупостей, — поняв, что сказала лишнее, примирительно повелела молодая женщина. — Ну, с чего думаешь начать? — перевела она взгляд на доску. — Постой. Это что?

— Это ответ, — стараясь выглядеть равнодушным, ответил Максим.

— Ответ, ответ, — ошарашенно пробормотала учительница, заглянув в конспект. — Но откуда он

у тебя?

— Решил.

— Как? Где... где решение?

— В уме...

— Мал еще издеваться. Что за выходки? Подсмотрел, пока дружок твой меня отвлекал? —
нашла она приемлемую разгадку.

— Но честное слово...

— Еще и врать вздумал? Цирк устраивать? Будет тебе цирк. До самых каникул. Будет тебе средняя.

— Но, Ирина Сергеевна! Дайте еще задачу, проверьте.

— Хорошо, отойди, — не доверяя никому и чуть заглядывая в конспект, она начертала еще более хитроумное уравнение.

— Ну, решай.

Ученик провел взглядом по выстроившимся рядам букв и цифр, смешно нахмурил не знающий морщин лоб.

— Скобка вот эта точно здесь? — спросил он.

Учительница заглянула в конспект и, вспыхнув, молча переставила злосчастную скобку.

— Тогда вот так, — Макс взял мел и вывел краткую формулу.

Преподавательница уже знала ответ, но еще раз сверилась с конспектом и невольно кивнула головой. В классе захихикали.

— Еще? — предложила учительница.

— Давайте, — согласился ученик.

— Еще, — слышалось через несколько минут.

— Давайте.

— Еще...

— Как в «очко» дуются. Словно прикуп берут. «Еще, еще» — уже давно перебор, — сдержил Максимов друг.

Он понял, что сейчас можно, что «укрощение строптивой» на конечной стадии, и пантера никого растерзать уже не в состоянии, кроме самого укротителя.

— Действительно, мы увлеклись, — пришла в себя Ирина Сергеевна. — Конечно, фокус очень забавный. Очень, — повторила она, собираясь с мыслями. — Но как ты понимаешь, задач ты не решил.

— То есть как не решил? — прикинулся обиженным Макс, посмотрев на Татьяну.

Повторялась та же история.

— Ты должен привести решение, а не ответ. А вот решения я не вижу.

— Ни в одной задаче не написано «приведите решение», написано «решите» или «преобразуйте», — повторил свою аргументацию юноша.

— Это так. Но все-таки, скажем, в целях

помощи твоим одноклассникам, а заодно и для проверки правильности решения я прошу тебя привести решение ну хотя бы вот такой задачи, — и учительница вывела новое трехэтажное уравнение:

— Постарайся до конца урока.

— Если скобки стоят правильно, — вновь съязвил со своей парты Сергей, остальные сочувственно захихикали.

— С тобой у нас отдельная песня.

— Вот сначала ответ, — вывел краткую формулу ученик.

— Мог бы и не утруждать себя. В правильности ответов мы уже убедились. Непонятно, как они получаются. В чем фокус?

Максим не обижался. Он применял ранее столько уловок и проявлял такую изворотливость в передирании классных, домашних и контрольных работ, что вполне понимал недоумение своей визави. Он, стараясь притормозить бегущую строку, быстро выводил преобразования, которые последовательно проявлялись в его сознании.

— И, наконец, вот так, — подвел он итог, вновь выводя ответ.

Воцарилась тишина. Одни смотрели на учительницу, другие, кандидатки в медалистки, поспешно переписывали формулы с доски в тетрадь, третьи, не «въезжая» в происходящее, пялились на нового вундеркинда. Ирина Сергеевна

завороженно смотрела на доску. Да, она не любила учеников, не любила эту школу, не любила этот гарнизон. Но она обожала, боготворила математику. И то, что она видела сейчас на доске, было если не целой мелодией, то аккордом какой-то захватывающей, упоительной музыки. Аккордом, который не то подобрал, не то сочинил, не то украл у настоящего композитора вот этот бездарь. Учительница вскочила, бросилась к доске, мазнула тряпкой по решению и выскочила из класса.

— Ну, ты молоток, — восхищенно отреагировал Сергей. — Здорово нашей фифе нос утер.

— Максим, я не совсем въехала в последнее преобразование, а тут она стерла, — обратилась к проходящему мимо ее парты победителю Кнопка. — Подскажи.

Звонок оборвал математические искусства. Торжествующая весна звала на волю — благо двухэтажная школа позволяла, почти не затрачивая драгоценного времени, вырываться на школьный двор каждую перемену. Конечно, на этот раз гвоздем программы был Максим.

— В чем фишка? — допытывались одноклассники.

— Просто Сергей конспект у Стервозы сдул и решения мне по рации диктовал, — хохмил Макс.

— Ну да, микрофон в ручке, а динамик прямо

в доске. Не видели, как он к доске прислонился? — подыгрывал Сергей.

Не видевшие этого фокуса наяву ребята из соседних классов разнесли новость о новой хохме этого дуэта. Впрочем, наиболее трезвомыслящие сомневались. Слишком уж «Операцией Ы» пахивало. Но какие все-таки короткие весенние перемены!

На следующий урок — геометрии — Стервоза пришла с неожиданным гостем — директором школы. Большая, грузная женщина отличалась строгостью, твердыми принципами школьного поведения, но в то же время — добротой и все-таки любовью к детям. Ученики чувствовали это, уважали свою директрису, гордились своей «Грин» и тоже ее любили — в той степени, в которой школьник вообще может любить своего директора школы. Класс затих.

— Садитесь-садитесь, — пробурчала Инесса Григорьевна, пробираясь по тесному для нее проходу на «камчатку».

Там она села на пустующую парту прогуливающего математику Нечипора и, по словам наблюдавших исподтишка за ней соседей, «стала ждать разворота событий».

— Что же, продолжим, — словно ничего не случилось, обратилась к классу преподаватель. — Сегодня мы повторяем пройденное. Белый, так как

тебе это особенно необходимо, будем вспоминать вместе. У доски. Иди сюда, пожалуйста.

Присутствие директора не давало возможности возмущаться этой экзекуцией. Да и без ее ведома вряд ли посмела бы учительница такое самоволие.

— Посмотрим, не прорежется ли у тебя талант и к геометрии, — все-таки иронизировала она. — Давай попробуем решить вот эту задачу, — она протянула отдельный листок.

— Выдрала из конспекта заранее. Без решения, — догадались многие.

Максим невозмутимо начал вычерчивать пирамиду. Когда закончил чертить, написал цифровую комбинацию и сказал:

— Ответ такой.

— Ну, вот опять, — пожаловалась директрисе учительница.

На этот раз пожалала плечами Инесса Григорьевна.

— Попробуй решить вот это, — предложила директриса, протягивая какой-то лист из своего конспекта. — И не рисуй. Это, я вижу, у тебя больше времени отнимает, чем решение. Давай, думай.

— Уже подумал, — улыбнулся Макс. — Пятнадцать.

— Верно. Но это для старшего класса.

Экзаменационная. На основе материала, который вы не проходили.

— Я же говорю, здесь какой-то фокус, — вмешалась учительница.

— Подождите, — отмахнулась от нее Грин. — Что скажешь? — спросила она ученика.

— Я просто прочитал весь учебник.

— Прочитал! — фыркнула учительница. — Я же говорю вам, Инесса Григорьевна, что он паясничает.

— Да помолчите вы! Прочитать мало. Мало даже запомнить. Надо понять. Вот саму теорему ты доказать можешь?

— Да это же аксиома. Разве ее надо доказывать?

— Она подлежит доказыванию при необходимости.

— Но, Инесса Григорьевна, разве надо доказывать девятью девять?

— Нет, но при необходимости можно выстроить девять столбиков по девять зарубок и посчитать. А можно...

— Понял. Извините. Вы, конечно, правы. Можно, я попробую доказать?

— Дерзайте, молодой человек. Мы подождем. И вы, ребята, подумайте. Ничего, что это для старших. Надо иногда пытаться...

Она замолчала, глядя на то, что появлялось на

доске. Ее младшая коллега тоже молчала и лихорадочно переписывала символы в конспект.

— Все! — Максим отошел в сторону.

— Что же, надо признать, скромненько и со вкусом. Нетрадиционно, но предельно рационально и логично. Талантливо, в конце концов. Где ты это вычитал?

— Честное слово, только что...

— Ладно-ладно, Лобачевский, — потрепала его по вихрам директорша. — Похвались. А мне потом по секрету шепнешь. А то и мы отстаем без новых публикаций. Ну что же, продолжайте. А ты пока особо не напрягайся больше, вундеркинд. До свидания! — обратилась она уже ко всем и, больше, чем всегда, ссутулившись, вышла из класса.

— Сидеть тихо. Я на минутку, — выскочила вслед незадачливая учительница.

«Минутка» затянулась, и класс загудел, обсуждая новую сенсацию. Что это не хохма, а что-то из ряда вон выходящее, стало понятно всем. Максим пока пытался отшутиться тем, что после сотрясения мозга набекрень, вот они и считают, как калькулятор.

Наконец, пришла покрасневшая злая математичка. Какой разговор у них состоялся с директоршей, она не рассказала, кивком головы показав Максиму на место за партой.

— Сейчас новая задача. Для всех, кроме

Белого. Ему индивидуальное задание. Коль скоро ваши задачи ему решать очень просто, а значит, скучно, Инесса Григорьевна попросила его попробовать решить другие, посложнее. Только она еще очень просила, если решишь, привести не только ответ, но и решение. Вот, передайте. А мы разберем решение типовой задачи, предлагаемой на экзаменах.

С этими словами побежденная, но не сломленная противница, встав у доски, начала вычерчивать очередную, осточертевшую всем пирамиду.

«Какая все-таки гадость, — возмущенно думал Максим, глядя ей в спину. — Ни одного доброго слова. «Директор передала»... Ну я тебе сейчас покажу».

Он, наконец, решился и, как в прошлый раз Рыжика, мысленно погладил молодую женщину. Только не по спине, а по симпатичным впадинкам под стройными розовенькими коленками. Едва он успел ощутить тепло и нежность кожи в этих местах, как учительница уронила мел, подпрыгнула и резко обернулась. «Наверняка решила, что кто-то подкрался», — решил Макс.

— Смотри, ее кто-то укусил, — прошептал, глупо улыбаясь, Сергей.

— Вон из класса! — взвизгнула Стервоза, увидев эту улыбку.

— Опять вон. Но за что?

— Сам знаешь. И дневник на стол.

— Нет с собой дневника. Дома забыл, — привычно пробубнил ученик, хлопая дверью.

Теперь Максим просто обязан был продолжить. Чтобы наказать учительницу и реабилитировать друга. И кроме того... было неловко признаться самому себе, но ему понравилось. Дождавшись, когда обладательница соблазнительных ног вновь взялась за задачу, он вновь мыслью коснулся ее ног, только теперь повыше — по самому срезу платья. И вновь учительница шарахнулась в сторону, на этот раз хватаясь за подол и приседая. Ей явно показалось, что кто-то пытается задрать ее юбку. Класс насторожился, не понимая, что же происходит. Но с учетом солидарности с изгнанным товарищем, многие захихикали.

— Кто это сделал? Признавайтесь сразу, иначе будет очень плохо.

— Но что? — робко спросил кто-то.

— Кто сделал — знает.

Она села за стол, вроде как случайно положила руки на платье и стала осматривать класс. Немного успокоившись, она, тем не менее, больше к доске не подходила, решив завершить урок заполнением журнала.

— Решайте самостоятельно, — заявила она.

Но журнал вскоре пришлось отложить. Она вновь вскочила, осмотрелась, затем осторожно села, прислушиваясь к своим ощущениям. Максим, глядя в тетрадь с уже решенными задачами, тоже прислушивался к своим ощущениям. Кожа на ногах, особенно выше коленок, была нежной и бархатистой. Он чувствовал, как страшно она напряглась от неведомых прикосновений. Поняв, что достаточно проучил мучительницу, Максим решил оставить эти опыты. И звонок прозвучал вовремя, освободив его от искушения ощутить еще что-нибудь.

— Урок окончен, все свободны. Белый, тебе придется остаться.

Страшно покраснев, Максим подошел к все еще сидевшей учительнице. «Как она догадалась?» — стал впадать он в тихую панику.

— Директор школы попросила меня позаниматься с тобой самостоятельно. В порядке подготовки к олимпиадам и проверки действительного уровня твоих знаний. Поэтому я попрошу тебя прийти сегодня вечером ко мне. Ну, часов в семь. Идет?

— Конечно! — отлегло от сердца у нашкодившего подростка.

— А что «конечно»? Чему радуешься? Других дел нет? У меня есть. Но поскольку сама Инесса Григорьевна... понимаешь?

— Конечно.

— Заладил, — вздохнула молодая женщина. — Ну ладно, в общем договорились. До свидания.

В это время в класс ворвался Сергей — ему еще предстояло передрать домашнюю по физике.

— Что она от тебя хотела?

— Домой приглашает. Позаниматься.

— Вот это да! — восхищенно прошептал дружок. — Сподобился! Ну, ты не теряйся там.

— Да нет. Директорша приказала. К олимпиаде готовиться.

— Сам высунулся. Но ты все равно там не теряйся.

— Да ладно тебе.

— А че, пора. Может, она только этого и хочет. Глядишь, и террор прекратится.

И на следующих уроках Серый шепотом предлагал то одни, то другие планы завоевания учительницы. В отличие от первых двух занятий, появление Максима встречалось учителями сдержанно, но доброжелательно. Они, видимо, уже были наслышаны о его неожиданных талантах, но к их предметам это не относилось, да и вообще... так что уроки прошли своим чередом, без потрясений.

Глава 7

Полковой стадион располагался на месте дореволюционного ипподрома, и еще с тех пор на месте лошадиных стойл, где теперь находились деревянные лавки, прорастали порой шампиньоны. В детстве Максим с друзьями обожал ковырять в земле палочкой и вытаскивать еще только взбугрившие почву ароматные грибки. На жареху порой хватало. А в остальном — обычный армейский стадион: беговая дорожка, обшарпанные ворота внутри, вытопанная трава, яма для прыжков в длину и турники. Но в школе не было и такого, а утопанная площадка с корзинами для баскетбола не давала возможности развернуться физруку. Да и порядком подросшим воспитанникам тоже. Поэтому уже сложилась традиция — всевозможные нормы, бег, прыжки, метание сдавались старшими классами здесь — в почти настоящей спортивной обстановке.

«Физра» была последней, и Макс, хотя и освобожденный от этой канители с нормативами, пошел вместе с одноклассниками. Кроме того, следовало до конца решить с поединком. Так как нормативы приходилось все-таки сдавать, отговорок типа «забыл форму» сегодня не было, и пока кто в шутку, а кто всерьез занимались физической культурой, Максим вспомнил детство и вскоре отыскал несколько изумительно пахнущих шампиньонов.

— Эй, грибник, иди к нам, — позвала его вдруг Татьяна. — Может, прыгнешь? Пролетишься, как в детстве? На рекорд?

— А если надо, собаку мы мигом организуем, — добавил Кот, и его команда радостно заржала.

«Рассказала. Все рассказала. При всех».

Краска стыда ударила в лицо юноше. Стыда и гнева. Ему-то казалось... А она... Да еще при этом...

— Хорошо, на спор! — почти выкрикнул он.

— Пари на что?

— Если я прыгаю... Сергей, сколько сейчас рекорд?

— По-моему, девять ноль один... нет, девять ноль пять.

— Нет, подожди, Бимон же сиганул на восемь девяносто.

— А через тридцать лет его рекорд побили.

— Но точно, больше, чем у Бимона?

— Мальчики, о чем спор? О десяти сантиметрах? Да ладно, пусть прыгнет, как этот ваш Бимон.

— Но так прыгало только три человека на планете. Еще, помнится...

— Максим будет четвертым. С учетом его способностей в детстве, а? Ладно, — великодушно уступила девушка. — Пусть повторит свои детские

достижения. Прыгнет на восемь...

— И ты меня поцелуешь. При всех, — вдруг вырвалось у Макса.

— Идет, — порозовев, согласилась девушка. — А если не допрыгнешь, то...

— Я целую тебя, — попытался перевести все в шутку Максим.

— Беспроигрышная лотерея? Прыгнет он или не прыгнет, они все равно лижутя, — вмешался вдруг Кот. — Ну, нет. Предлагаю: не допрыгнешь, она целует меня. В губы.

— Ты хоть зубы сегодня чистил? — рванулся к нему Сергей.

— Отвали, холуй! — оттолкнул его Котов. — Нарвешься!

— Он мой, Серый. Деремся сегодня здесь. При всех желающих, — предупредил Макс.

— А потом, если уцелеешь, еще отгребешь от меня за холуя, — пообещал Сергей.

— Напугал... Так ты пари принимаешь?

— Не от меня зависит.

— Интересная мысль, — начала кокетничать девушка. — Принимается. Будешь впредь меньше спорить.

— Ну, хорошо. Замеряйте.

— Ты прыгни, а мы померяем.

— Ну нет. Бимон так Бимон. Отметочку мне, флажок, куда прыгнуть.

На зов от турника пришел физрук, который на просьбу отмерить восемь метров и девяносто сантиметров только покачал головой.

— С восемью метрами не здесь прыгать. На чемпионатах на пьедесталах стоять. Что за блажь? — ворчал он, прикладывая рулетку.

Оказалось, что яма на такое расстояние не рассчитана.

— Перенесем доску, — предложил Максим. — Чтобы эта длина приходилась на центр ямы.

— Глупости, как ты ее перенесешь?

— Ладно, просто отметим место, откуда прыгать.

Когда все было готово, от реального расстояния захватило дух.

— Да, это действительно полеты, а не прыжки. Дохлый номер. Давай, подворачивай ногу при разминке или разбеге. Иначе хана, — шепотом посоветовал верный Серега.

— Прыгну! — коротко отрезал Максим.

Он вдруг почувствовал — прыгнет! Уже внутри появилась волна, пока что плавно приподнимающая его вверх и словно нехотя опускающая обратно. Оставалось только придержать ее до нужного момента, а затем отпустить.

— Вот что, — попросил он все того же Сергея. — Мне бы кроссовки. И форму. Не так же

все-таки.

— Мы мигом, — и они рванули в соседнюю казарму.

Когда Макс вышел в форме Сергея, уже все убедились — подрост. Спортивная одежда только недавно бывшего на голову выше друга была теперь ему впору.

— Ну, принарядился, пора. Родина ждет рекордов, а я чего-то другого, — проявил нетерпение Кот.

— Николай Николаевич, а результат вы мне в ведомость поставите?

— На сколько прыгнешь, столько и поставлю. В этом можешь не сомневаться. Ну, давай, заканчивай эту бодягу. Урок срываешь. Смотри, что творится.

И действительно — весь класс собрался у ямы. Кроме того, уже появились и зеваки из возвращающихся домой школьников и нескольких шедших с обеда офицеров. Постоянно таскающий с собой фотоаппарат Ванька Погорельцев приготовился снимать.

— Во-во! — одобрил Котов. — Ты, главное, потом сними. Меня кое с кем.

Максим уже не слышал. Отойдя на расстояние разбега (бежать до пика волны, когда поднимет — прыгать!), он закрыл глаза и погрузился в себя, ощущая что-то еще более новое и необычное. Если

исцелявшие лучи были частью какой-то его силы, то подкатывающая волна была им самим. Всем им! Это она — его новая сущность, и она управляет телом, а не наоборот! Вот она вновь приподнимает эту оболочку. Вот она крепнет, поднимается гигантской цунами, вон ее гребень, и несется, несется. «Это я — цунами! Это я несусь!» И он рванул. На месте нарисованной толчковой доски он упруго оторвался от земли... Это были мгновения полета, мгновения радости абсолютной свободы, радости единения с небом!

Но волна разбилась на брызги и осторожно вернула его к реальности — в заполненную грязноватым песком яму.

Юноша поднялся и, отряхнув песок, посмотрел на свой след. Стояла тишина. И в этот момент второй волной накатила боль. Едва сдерживаясь, лишь бы не застонать и не скривиться, Максим отошел от ямы и сел на скамейку.

— Ну-ка, ну-ка, — пришел в себя один из офицеров. — Рулетку, пожалуйста.

— Мы уже замеряли до флажков. Осталось только плюсовать, — объяснил кто-то.

— Что тут плюсовать? Весь прыжок мерить надо. Да вы понимаете, что он сделал? — захлебывался мужчина, раскручивая блестящую ленту. Потом замолчал и он.

— Сколько? — сквозь боль поинтересовался Макс.

— Но так не бывает...

— Да сколько же? У нас спор.

— Восемь девяносто пять.

— Эх, пяти сантиметров не хватило для ровного счета! — посочувствовала одна из девчат, далекая от мирового спорта.

— Так у нас не прыгают. Это гипноз какой-то.

— Но я заснял! Весь прыжок заснял! — возмущенно закричал Ванятка. — Какой гипноз в аппарате? Вот бежит, а вот летит. Аж светится!

— Записывайте, Николай Николаевич.

— Если я запишу такое, меня завтра с работы выгонят за пьянку. Ты мне лучше скажи, ты давно вот так можешь?

— Э нет, вы подождите. Слушай, парень, как твоя фамилия? — ввязался офицер, отесняя физрука.

— Белый он, — с готовностью ответили соратники рекордсмена.

— Сын нашего Белого? Это даже здорово! Вот что, скажи отцу, что ему следует непременно явиться с тобой завтра же к подполковнику Лобешко. Запомнишь? Хотя я лучше запишу. Это же надо! Такой самородок, — вырвалось у него.

— Самородок, да не ваш, — вдруг окрысился физрук. — Ишь, на готовенькое!

— Ах, это вы его отметили, приветили и натренировали. В яме с нарисованной доской.

— В вашей яме. Он наш и не перехватите.

— Отойдем!

Они отошли и горячо заспорили.

— Предлагаю поделить, — вполголоса сказал им потрясенный, но еще более озлобленный Кот. — Ножовкой пополам. Как в цирке.

— Молчи, дурак, — вступилась Кнопка.

— А что, отгребет наш чемпион за такой прыжок тысяч сто баксов, приедет и начнет вспоминать: «Эта со мной целовалась — на тебе десять кусков, эта за меня заступалась — на тебе пяток, эта со мной... гм... гм — забирай все, я еще прыгну».

— Деремся сейчас же. Только «на серьез».

— Вот дяди уйдут — и начнем.

Как раз к этому времени красный, как свекла, Николай Николаевич объявил, что урок окончен и помчался со стадиона прочь.

— Во, побежал рапортовать о выдающемся прыгуне современности, — съязвил Кот вдогонку. — Ладно, ребята, у нас еще дела. По домам.

Однако ребята не расходились. Сегодняшний день принес несколько сюрпризов и обещал еще одно зрелище. Дело в том, что раньше Кот был выше и мощнее. Теперь он остался только мощнее.

Хулиганистый, похоже, от рождения, он чем-то примагничивал к себе одноклассников. Максим был мягче, добрее и спокойнее. Хотя в последнем показателе он в текущем году явно подрастерял.

— Тестостерон прет, — вздыхала классная руководительница, записывая очередное замечание в дневнике.

Как и следовало ожидать, две враждующие группировки в конце концов сцепились. Затем наступило перемирие, во время которого каждый из лидеров пытался уколоть другого. Сейчас по непонятной причине Кот этот порядок нарушил. Что-то случилось за время болезни. Но что, Максим пока не мог понять. А сейчас и не пытался. Боль затихающими толчками уходила, на смену ей появилась слабость. Но надо было вступать в бой. Как бы то ни было, никаких отговорок никто не примет. И не поймет. Подросток, тяжело вздохнув, поднялся со скамейки.

— Где? — поинтересовался он.

— Вон там, — мотнул головой противник.

Судя по всему, он давно присмотрел этот заросший со всех сторон кустами пятачок на окраине стадиона.

Они встали в классическую для всех дерущихся петухов стойку. Макс хотел было применить «классику», но, увидев вольно опущенные руки противника, решил, что это будет

как-то трусливо.

Некоторое время они примеривались. Затем Кот сделал выпад, целя кулаком в подбородок соперника. И... и время забуксовало! Это было смешно и удивительно — смотреть, как плавно, словно в замедленной съемке, движется тебе навстречу чужой кулак. Когда эта лапа с неумело сжатыми веснушчатými пальцами уже приближалась к его лицу, Макс совсем немного шевельнул головой, и кулак все так же медленно двинулся в пустоту. Не понимая происходящего, юноша протянул к сопернику свою руку. Она двигалась нормально, без фокусов с замедлением. И пока Кот тянул свой кулак обратно, Максим хохмы ради потрогал его за нос, затем обернулся к зрителям. Судя по их плавным движениям, и они находились в режиме «замедленной съемки». Пока обозлившийся враг пытался провести сильнейший боковой удар в висок, а Максим приседал под плавнодвигающийся кулак, затем — под второй, он понял — «необычайный ускоритель». Был такой дурашливый рассказ у Герберта Уэллса. То есть — не замедляется время у всех. Ускоряются реакции у одного. Почему? Черт его знает, почему. Надо этим просто воспользоваться. И опустив руки, подросток начал дурачиться — щипать бившегося «на серьезе» соперника за нос, расстегивать пуговицы рубашки, подставлять физиономию под самый удар

и уклоняться в последний момент, когда костяшки пальцев уже касались кожи. Это было упоительно, но, вскоре понял Максим, и утомительно. Не понимая, что происходит, слыша оскорбительный смех зрителей, Котов уже всем своим мощным телом кинулся на недосягаемого врага. Дождавшись первого прикосновения этого ревущего тепловозика, Белый резко отклонился, и соперник загремел куда-то в кусты. Оттуда он выскочил в колючках, красный от позора. Собравшиеся зеваки сначала засмеялись, затем примолкли. В руке Кота был зажат кусок арматуры. Дальше события быстро приблизились к развязке. Потерявший от злобы и унижения всякое здравомыслие, подросток так быстро кинулся на Макса и так быстро нанес удар, что никто из присутствующих не успел ему помешать. Только взвизгнуло несколько одноклассниц, да подался вперед все тот же офицер, незаметно присоединившийся к болельщикам.

Но «быстро» было для всех, кроме Макса. Для него все окружающее продолжало течь в плавной замедленной съемке. Вот только железный прут поднялся и опустился немного быстрее. Это, однако, не помешало Максиму без труда уклониться от железяки и, наконец, ударить соперника. Возмущенный подлостью Кота, он нанес удар куда и планировал — в печень, чтобы не

очень травмировать дуэлянта, но отбить всякую охоту драться дальше. Удар получился несколько сильнее, чем предполагал Максим: сказалось негодование из-за нарушения неписаных правил. Нападавшего снесло в кусты вместе с его зловещим орудием. Странный бой закончился, и время вдруг вновь вернулось к своей обычной скорости. Котовы друзья кинулись к своему коноводу, остальные обступили Белого.

— Ну ты даешь! — хлопнул победителя по плечу Сергей. — Это как в кино. Слушай, устрой меня к вам в секцию!

— У меня снимки мировые получились! Хоть сейчас в журнал! — восторгался Погорельцев.

— А ведь и убить мог. Когда с арматурой... Подло это, — прокомментировал Пенчо.

Максим молчал, вытирая обильный пот. «Как он там?» — вспомнил Максим о силе своего удара, когда поверженного подростка вытащили из кустов. Тот был бледен, выпучив глаза, глотал широко открытым ртом воздух и не мог самостоятельно стоять на ногах.

— Очухается, — решил Сергей. — А счета не требуется. В этом бою нокаутом победил Белый! — сообщил он, подняв руку друга. Но аплодисментов не последовало. Все испуганно молчали, так как на плечо победителю легла твердая мужская рука. Обернувшись, Макс увидел того же офицера,

который уже вызывал его с отцом на завтра.

— Та-а-ак, — протянул он.

— Ну так он же с арматурой, — начал оправдываться Макс.

— Видел, все видел. И все равно надо осторожней. Мог и покалечить.

— А он не мог? — возмутился юноша.

— Судя по всему — не мог. Тебя не мог.

— Вот именно — меня. И сегодня. А если не меня завтра? Такой железкой не только покалечить — убить можно!

— Давно боксируешь? — поинтересовался офицер.

— Год без малого.

— На соревнованиях выступал?

— Да нет. Наш Сеница к серьезным боям не подпускает раньше времени. Чтобы не покалечили.

— О, у Сеницы тренируешься! — почему-то обрадовался собеседник. — Отлично. Значит, жду завтра. С отцом. Непременно жду.

Максим пообещал быть, и надоедливый дядька, наконец, ушел. Котов с приближенными задержались, остальная школьная братва двинулась домой.

— Ребята, а где Танька? Где в конце концов приз? — заволновался Сергей.

— Она еще до драки, сразу после прыжка, ушла, — ехидно доложила Кнопка.

— Но так не честно, — обидевшись за друга, заявил Сергей. — И потом, какая еще драка? Благородная дуэль — не драка, даже если кто-то сподличал.

— Проехали. Я уж сам как-нибудь разберусь. Нужен мне ее поцелуй. Пусть со своим Котом лижется, — мужественно и прилюдно отказался от награды победитель.

По сверкающим глазам и тонкой улыбочке Кнопки он понял: завтра же, а может, и сегодня Татьяне донесут его реакцию. Особенно, в каких выражениях она прозвучала. «Ну и пусть!» — решил он. Надо было отдохнуть и собраться с силами перед последним на сегодня испытанием — занятиями у математички.

— Завтра фотки принесу. Закачаетесь, — пообещал Ванятка, исчезая в своем подъезде.

— Ты обязательно прими ванну, можешь — просто душ. И захвати спрей для свежести рта. Могу дать, если у самого нет. Жвачка не так помогает, — напутствовал его напоследок Сергей.

— Ладно тебе, знаток, — попрощался с другом Максим. — Успокойся, ничего не будет.

— Но если будет, расскажешь, — уже не попросил, а приказал Сергей. — Я ведь тебе все рассказываю.

— Врешь.

— Ну, почти все. Без мелких подробностей,

как говорится.

— Такой же рассказ и получишь.

— Лады, — наконец согласился Сергей.

На этом дневные хлопоты кончились.

Глава 8

Предположения и прожекты Серого дали о себе знать, и к квартире учительницы Максим подошел с замирающим сердцем. Ровно в 19 часов он нажал на кнопку звонка. Пока в квартире раздавался мелодичный перезвон, юноша твердо решил, что сегодня на его долю приключений вполне хватило, так что — только заниматься, и никаких шуточек. Серьезно, сдержанно, равнодушно. Но почему дыхание перехватывает? Он поймал себя на том, что долго держит руку на кнопке звонка, а в квартире — никакого движения. То ли разочарованно, то ли облегченно вздохнув, он вышел из дома и устроился на скамейке у подъезда. Вовсю буйствовала весна. Может, лучше прошвырнуться с Серым? Есть что обсудить, над чем посмеяться. Да и девчата наверняка выйдут. Он увидел на балконе противоположного дома друга и развел руками. Тот скорчил разочарованную мину и жестами показал на часы — предложил подождать. Но ждать да и заниматься не хотелось. И вообще торчать здесь у всех на виду. Макс вскочил, затем

вновь сел.

«Буду ждать. Пусть ей будет стыдно. Хоть раз, — решил он. — И чем дольше, тем лучше».

И в это время из-за дома показалась быстро, но как-то понуро идущая учительница. Было видно, что она устала и чем-то расстроена.

— Давно ждешь? Пошли, — кивнула она ученику, проходя вперед.

— Может, не надо сегодня? — спросил юноша.

— Пошли, пошли, наверстаем, долго не засидимся, — по-своему поняла она его вопрос.

В квартире было уютно и тихо. Пахло духами, цветами и, конечно же, через раскрытую балконную дверь — весной.

— Устраивайся, я сейчас, — показала на кресло у журнального столика математичка, скрываясь в ванной.

«Переодеваться», — понял Максим и осмотрелся.

Квартирка была однокомнатной, с небольшим, по ДОСовским меркам, коридором, но большой комнатой. В ней помещались и диван-кровать, и стенка, и телевизор на тумбочке, и столик с двумя креслами, на одном из которых он сидел. Среди книг господствовала, конечно, математика, но, кроме того, были здесь Есенин и, что вообще поразительно, Высоцкий, а также

кое-какие фэнтези. Немного хрусталя, светлая картина на стене (спокойная летняя река утром), на трюмо — портрет офицера в траурной рамке, еще что-то, чего гость не успел рассмотреть.

— Освоился? — показалась в комнате хозяйка. — Сейчас начнем.

Макс повернулся на голос и слегка разочарованно вздохнул. Словно в известном фильме, он где-то в глубине души ожидал перевоплощения женщины из синего чулка в прекрасную фею. Этого не произошло. Волосы остались туго зачесаны в пучок, губы покрыты бледной, скорее всего бесцветной помадой, а брови и ресницы не подкрашены. Никакого намека на макияж. И только плотно облегающий фигуру домашний халатик очень легко намекал, что таится за этой непритязательной упаковкой.

«Не надо метать бисер, — решил он. — Кто я для нее? Это Серый дурью мается и меня с толку сбивает. Будем заниматься».

— Будем заниматься, — словно услышав его мысли, взялась за дело учительница, выкладывая на стол ворох учебников и конспектов. — Попробуем порешать задачи нарастающей трудности.

— Можно в уме?

— Пока сможешь, будешь только диктовать ответы. — Но, пожалуйста, без фокусов, — как-то устало попросила она. — Нам надо знать уровень

твоих возможностей, твоего... дарования, — подыскала она слово. — Это не зачет, не урок. Это — опыт.

— В котором я подопытная обезьянка? А банан принесете?

— Неужели тебе самому не интересно знать свои возможности, их пределы?

— Ну... в математике, может, и нет. Не задумывался. Для меня это не главное. Но, может, вы и правы.

— Это первый шаг навстречу, — улыбнулась хозяйка.

Очень доброй оказалась эта улыбка. И очень усталой. Максим вдруг увидел, что губы у его учительницы, хоть и не накрашены, но довольно розовенькие и очень даже ничего. И глаза потрясные — большие, серые и немного навывкате. И веснушки. Очень миленькие такие. Он вдруг улыбнулся своим наблюдениям. Вспомнив еще и запретную нежность кожи, подросток потряс головой, чтобы отогнать наваждение. Но собеседница больше не разделяла веселья. По ее лицу заметно прошла волна отчаянной печали, мимолетно его состарив. Однако учительница ровным, приветливым тоном предложила Максиму начинать.

— Банан не принесу, но кофе, чай со сладостями есть. Чего тебе?

— Нет-нет, спасибо, — привычно по-гостевому отказался Максим, уже вникая в задачи.

— Ладно, решай, я сама определюсь, — она вышла на кухню.

Уже стемнело, когда они отложили учебники. От выпитого кофе и постоянных решений гудела голова.

Спохватившись, учительница зажгла свет.

— Что можно сказать... Я не знаю, что сказать. Мы прошли все задачи вплоть до вузовских. Аспирантских у меня нет. Но, судя по всему, ты решал бы и их. Тяжело? — поинтересовалась она.

— Знаете, вот эти, институтские, последние, больше времени занимают. Наверное, без записи, в уме уже и не решил бы. Точнее, решил бы и в уме, но уже подустал и еще не привык такие длинноты в уме держать.

— Опять хвалишься, — покачала головой учительница.

В это время на аэродроме завывала турбина и женщина, метнувшись к балкону, с грохотом захлопнула дверь.

— Да что же они с ней делают? Сколько можно?! Душу же выматывают! Ведь полетов нет сегодня, нет!

— Ресурсные испытания, — ухмыльнулся

Максим. — Это на износ. Пока не развалится.

— И тебе весело?

— Я привык. Всю свою жизнь слышу. Наоборот, когда не ревет, вроде как чего-то не хватает. Так что решим с моим... дарованием? — съязвил он, сделав такую же паузу.

— Не знаю, что у тебя с головой случилось. Где-то замкнуло, мозги стали работать как мощный самопрограммирующийся компьютер. И гордиться тут нечем, — сделала вывод учительница. — Хотя, конечно, на всех олимпиадах ты победишь. Без труда. Будешь отслеживать свою «бегущую строку» и передирать решения. Пока другие будут действительно решать.

— Почему вы ко мне так? Почему вы меня ненавидите?

— А что прикажешь? Любить и уважать? Восхищаться? Так вот что я тебе скажу. Но это между нами, — почти шепотом произнесла хозяйка, машинально растирая виски. — Только никому не говори.

И когда заинтригованный гость подался вперед, заявила:

— Ты самовлюбленный эгоист, самолюбующийся нарцисс, лентяй и бездельник. А теперь на фоне отца и вот этого... замыкания мозгов начнешь раздуваться.

— Я... неправда! Как вы можете? С чего

взяли? Вы и раньше, до сегодняшнего, меня ненавидели...

— Не кричи. Мне и турбины хватает. Иди уже.

— Хорошо, — попробовал взять себя в руки Максим. Дрожа от обиды, но спокойным голосом он спросил: — Вы знаете, какая у вас в школе кличка? Нет? «Дневник на стол!» — это у девчат. Вы других слов не знаете. А среди ребят вообще — Стервоза. Вы всех ненавидите! Всех, не меня одного! А я был по вашему предмету наиболее слабый. Я возненавидел математику именно из-за вас! Кто бы вытащил к доске человека, выписанного только что из больницы? Ну, спросите остальных учителей. Только вы — Стервоза!

Юноша постепенно распаялся и выплескивал учительнице все обиды, которые накопились в классе за два года битвы с нею, вспоминал все, даже самые мелкие происшествия и последствия ее жестокости.

— У Покровского умирал отец, а вы: «Дневник на стол! Не готов! «Два!» — закончил он свою обличительную речь.

Она сидела, низко склонив голову.

«Пробрало», — подумал Макс.

— И после этого вы еще в чем-то упрекаете меня? — с сарказмом произнес он.

Она вновь не ответила. Заподозрив неладное,

Максим подошел к женщине и, присев, заглянул ей в лицо. Учительница молча, закрыв глаза, плакала. Слезы маленькими ручейками текли по щекам и капали на журнальный столик, размывая чернила в конспектах и краску в учебниках.

— Ну что вы, не надо, — вдруг осипшим жалким голосом пробормотал юноша.

Слезы этой, казалось, жестокой и равнодушной учительницы потрясли его. Неожиданно навернулись собственные.

Открыв глаза, женщина увидела его лицо почти вплотную, отшатнулась и сквозь зубы произнесла:

— Уходи, маленькая дрянь. Вон!

— Но вы первая... — оправдывался Максим, пятась к двери.

— Что первая, что? — она схватила юношу за отвороты рубашки и в такт словам начала трясти.

— Да, я первая! Что ты, что вы обо мне знаете? Я пришла к вам, когда разбился мой жених. Вон портрет, — кивнула она головой.

— У нас уже пять лет никто не разбивался... и вообще давно... вот только сейчас... — ошарашенно возразил Максим, не замечая, как мотает его за рубаху хозяйка.

— У вас! У вас! А не у вас? Про «летающие гробы» знаешь?

Максим знал и кивнул головой. Отец

рассказывал о «подарке Родины» — машине, на которой летчики уже отказывались летать.

— Вот так! А вы, что устроили вы? Помнишь?

Он помнил. Когда в младшие классы перевели их старую добрую учительницу, не справлявшуюся с новой программой, они устроили обструкцию новой — в наивной надежде, что выгонят эту и вернут любимую Зинаиду Владимировну.

— Ну, мы же не знали, мы же были совсем детьми, сосунками, — промямлил он.

— Не знали! — с горечью повторила она. — А что вы знаете, кроме себя, любимых? Вы знали, что... А... — она отпустила рубашку Максима, безнадежно махнула рукой и вновь села в кресло. — Впрочем, ты прав. Ненавижу. Но не тебя, не вас. Ненавижу этот город с его слякотью и дождями, ненавижу эти самолеты, ненавижу эту турбину, ненавижу эту постоянную головную боль. Я и жизнь ненавижу! — она отвернулась и опять громко зарыдала, теперь уже не скрывая этого.

Растроганный подросток подошел к ней, неловко обнял за плечи и ткнулся губами в мокрую щеку.

— Извините. Но я же не знал, — прошептал он, чувствуя соленый вкус ее слез.

Плачущая резко повернула голову, и их губы случайно соприкоснулись.

«Сейчас начнется, — с ужасом подумал Макс

отстраняясь. — Решит, что пристаю в такое время».

— Ничего, — сказала она, не обратив внимания на произошедшее. — Может, и к лучшему, что напоследок выяснили отношения.

— Напоследок? Почему напоследок? — удивился юноша, не замечая, что все еще держит руки у нее на плечах.

— Я сегодня почему опоздала? Была в нашей больнице. Может, и не надо говорить. А, все равно! — решила она. — Может, хоть поймете. Я долго терпела... в общем... онкология.

— Что? Чего? — пересохшими вдруг губами спросил Макс.

— Легкие.

— Слышал, это лечится...

— Эх, ты, — с укором улыбнулась женщина, потрепав его по шевелюре. — Лечится! — передразнила она его слова. — Ладно, успокоил, теперь уходи. Действительно, поздно, — она попыталась выскользнуть из его рук и встать.

— Нет! — прижал ее к креслу нахальный гость.

— Что нет? — изумилась учительница.

Максим решил. Он заглянул в эту бездонную, наполненную слезами отчаяния серость глаз и скомандовал:

— Спать!

Тут же ощутив неверность тона, юноша стал

говорить по-другому, словно уговаривая собеседницу:

— Вам очень хочется спать, и вы сейчас уснете. Вы ляжете на диван... Вот так, — он приподнял расслабленное тело и помог ей лечь на диван. — Вот так, — повторил он. — Теперь спать... спать... и выздоравливать...

Когда веки учительницы сомкнулись, а дыхание стало ровным, Макс провел руками над всей ладной фигуркой молодой женщины и сосредоточился на своих ощущениях.

«Почему это называют раком? — подумалось ему. — Это паук. Беспощадный паук. Вон какая паутина». Он отчетливо видел на фоне светло-розового тела, похожего на удивительный цветок, черное пятно в районе правого легкого. От него отходило несколько щупальцев в нижнюю часть легкого, а также нити паутины к печени, почкам и почему-то к левому плечу.

«Не жилица», — промелькнула мыслишка, но Максим встал над больной женщиной и опустил над черным врагом руки. Неизвестно откуда, но вдруг пришла к нему уверенность, что здесь придется бороться с врагом по-другому — отсекая его щупальца. И эта битва началась. Словно кислотой, юноша стал разъедать своими лучами мелкие очаги и паутину в печени и почках ракового спрута. И боль тут же полоснула по нервам. Парень

видел, как корчится от боли его враг, — и сам испытывал нечто ужасное. Он уже понял, что не сможет, не в силах пока уничтожить эту гадость за один раз — просто не хватит сил. В том числе — сил терпеть эту муку. Поэтому он, непроизвольно всхлипывая, все внимание сосредоточил на метастазах, обрубая их, словно щупальца злобного кракена.

— Вот так, вот так, гад, — твердил он, чувствуя, что находится на пределе терпения. Пытаясь ненавистью добавить себе сил, он обращался с болезнью, как с ненавистным живым существом.

— Долго ее жрал? Долго пробирался сюда? Думал, все? Нет, скотина, — цедил он сквозь зубы. В отдельные моменты он возвращался к реальности и видел, что лучи его пальцев настолько яркие, что освещают комнату, словно лампы дневного света. Да и не пальцев. Жгутами света казались уже обе руки — аж до оголенных локтей.

«Да что же это такое?» — закрался недоуменный вопрос. «Потом», — был короткий ответ, и все внимание вновь переключилось на черного, корчащегося от света и награждающего целителя болью врага.

Только поздно ночью Максиму удалось добиться того, что больные потемневшие ткани приобрели розовый цвет. Ужасающая болезнь пока

не была побеждена, главная битва еще только предстояла. Максим это понимал, но большего сегодня сделать не мог.

— Слушайте, — прошептал он. — Спите и слушайте. Завтра вы опять позовете меня заниматься. В семь часов откроете дверь и ляжете спать. Спать... Спать... Завтра в семь вечера... Открыть дверь, — несколько раз повторил он, после чего, шатаясь, вышел из квартиры.

Макс боялся, что останься он еще на минуточку и — свалится здесь. Надолго. Что подумает она (он не мог теперь называть эту женщину ни по имени-отчеству, ни по прозвищу), трудно сказать. Поэтому подросток медленно вышел на пустынную, мягко освещенную аллею и добрал до своей квартиры.

Дома Максим долго не мог уснуть: слишком много событий произошло за один день, и слишком он был обессилен. Раздевшись до пояса, он вышел на балкон — к лунному свету. И почувствовал, как этот свет проникает куда-то внутрь, медленно возвращая силы. Не раздумывая, парнишка подвинул к балкону кровать и теперь быстро уснул, купаясь в лунном свете.

Глава 9

— Ирина Сергеевна, есть серьезный разговор.

Попрошу ко мне, — заглянула в уже пустеющую учительскую директорша.

В своем тесноватом, но уютном кабинете она предложила учительнице присесть и некоторое время собиралась с мыслями, наконец спросила:

— И какое ваше мнение о Белом? Что выяснили?

— Это, конечно, уникам, — с готовностью ответила математичка. — В какой степени — не знаю. Все задачи школьной программы решает мгновенно. Задачи предыдущей республиканской олимпиады прорешал в уме. Я предложила ему задачи с мехмата.

— Ну и? — подалась вперед директорша.

— Порешал до второго курса в уме. Затем попросил карандаш. Пятый курс тоже решил, но было видно — трудно.

— А в чем трудность?

— Он решал методами, изученными в школьной программе. Некоторые преобразования очень своеобразны, некоторые просты до гениальности, но незнание предмета... Знаете, это как Маугли.

— Как Маугли? — изумилась директорша.

— Ну да. Ему приходится в муках... ну не в муках, но с затратами этой его таинственной энергии открывать то, что уже давно открыто...

— И ваши предложения?

— Он все заглатывает на ходу. Если с ним позаниматься, добавить знаний...

— Я рада, что вы так объективно оценили этот феномен. Но теперь о другом, — решила наконец пожилая женщина, тяжело вздохнув. — Мне звонили из поликлиники...

— Почему вам? — удивилась учительница.

— В таких случаях сообщают родственникам, — глухо ответила собеседница. — У вас их здесь нет, а решать вопрос о госпитализации необходимо безотлагательно.

— Но вам сообщили, куда они хотят госпитализировать, ведь так?

— Так, — не поднимая глаз, удрученно ответила директорша.

— Вы знаете, что оттуда выходит один из десяти?

— Да... Но один-то выходит! — в отчаянии вскричала Инесса Григорьевна.

— Я не уверена, что это буду я... Я не бравирую и не ищу сочувствия. У меня есть большая просьба. Дайте мне немного времени. До конца недели. Или хотя бы три дня. И потом, я обещаю, что поеду. Мне бы только с Белым закончить...

Захлюпавшая директорша поднялась и обняла учительницу.

— Настоящие профессионалы познаются в

беде. Я никогда не забуду этого вашего поступка. Но вы не должны, не имеете права так рисковать...

— О чем вы говорите? — горько усмехнулась больная женщина. — Какой там уже риск?

— Так нельзя! Не сдавайтесь! Надо надеяться и бороться. До конца! Даже когда ни на что, кроме чуда, уже надежды нет!

— Спасибо, — все так же горько улыбнулась Ирина. — Если бы я могла надеяться...

Она вырвалась из объятий директорши и выбежала из кабинета.

В это время Сергей настойчиво допытывался у друга об обстоятельствах его визита.

— Ну как? Удалось? Ну, чего молчишь? Было?

— Нет, — ответил Максим. Хотя он отоспался и, казалось, набрался сил, но душевно был опустошен. — Ты мне лучше скажи, что про нее знаешь? — вдруг очень серьезно спросил он Серого. — Что ты в ней видишь, кроме ножек и попки?

— Ну, то же, что и все: Стервоза еще та, — пытался отшутиться одноклассник.

— Нет, подожди, — не принял этот тон друг. — Просто, как о человеке? О ее душе, ее проблемах, ее... ну, просто жизни?

— О-о-о... — озадаченно протянул Сергей. — Да ты влюбился?! — полувопросительно,

полуутвердительно протянул он. — А ведь я знал, я догадывался! Я предчувствовал! — трагически завыл он. — Хотел предупредить: округит! Увы, не успел! Ох, бедный, бедный мой дружище, пропащий ты теперь человек! — причитал Сергей, воспользовавшись отсутствием учительницы.

— Брось ты, — не мог не заулыбаться «пропащий человек». — Послушай! У нее, оказывается, жених разбился на «гробу». Три года назад.

— Точно, не вранье? — посерьезнел друг.

— Кто шутит такими вещами?.. — возмутился Максим.

— Да-а-а, другой расклад, — вздохнул Серый.

Дело в том, что люди, ходящие под одной судьбой, относятся с исключительным вниманием к тем, кто попал в жернова этой судьбы. К семьям погибших летчиков относились с особым вниманием. Это было табу, которое не позволяло ни шуток, ни пошлостей. Впрочем...

— Впрочем, — нашел лазейку для друга Сергей, — не жена ведь, невеста. А может, они бы еще и не поженились... Так что это не повод.

— А мы ее тогда травили. Помнишь, что придумывали? — продолжал друг.

— Да-а-а, — вновь протянул Сергей, вспомнив некоторые, казавшиеся забавными до сегодняшнего разговора проделки.

— И, кроме того, она... наверное... тяжело больна, — осторожно подбирая слова, сообщил Макс.

— Ты что? Это? — почему-то шепотом спросил друг.

Он опустил глаза, пытаясь понять новые реалии. Было гадко и ужасно стыдно за свое поведение.

— Врешь! — радостно нашел Сергей выход. — Ох, врешь! Она больна, а ты, значит, ее лечил?

— С чего ты взял? — изумился Максим.

— Ты когда к ней вошел? — начал обличать его Серый. — Занимались, ладно. Потом, когда свет зажегся? Подводили итоги. Ладно. Потом, когда свет погас? Ладно. А когда ты вышел? И какой вышел? — хитро вопрошал он.

— Ты что, дежурил? Время засекал? — покраснев, обозлился Макс.

— Но ты же знал, что я буду наблюдать, — пожал плечами Сергей. — И первый раз все-таки. Простое человеческое любопытство...

В запале спора они не обратили внимания на ехидную улыбку сидевшего сзади и якобы сдувавшего домашнюю работу Кота. Прерван же неприятный разговор был появлением героини их пикировки.

— Здравствуйте, ребята. Садитесь, — как-то

по-новому, по-доброму поприветствовала она школьников.

Когда все расселись, Ирина Сергеевна долго рассматривала своих подопечных, переводя взгляд по очереди на каждого. Когда она так же внимательно рассматривала Пенчо (он же просто Юрка Панков), тот, будучи дежурным, встал и решил доложиться.

— Садись, садись, — мягко улыбнулась учительница. — Я и так вижу, что нет только Мирзоевой. Что с ней?

— Наверное, заболела, — ответил Пенчо.

— Жаль, — вздохнула математичка. — Такая пора, такая погода, а она... Ну да ладно. Вчера мы с вами повторяли некоторые темы. Сегодня продолжим. К доске пойдет...

Сергей подтолкнул соседа, и тот уже начал было выкарабкиваться из-за ставшей мелковатой парты...

— Покровский, — назвала учительница фамилию.

Женька покорно поплелся к доске, а Сергей уважительно взглянул на соседа и прошептал:

— И ты по-прежнему утверждаешь, что ничего не было?

Макс пожал плечами и стал ждать развития событий. Но они почти не развивались. «Патрик» потел у доски, остальные решали или делали вид,

что решали, заданное уравнение.

— А что Белый? — вдруг раздался дрожащий голос Татьяны.

— А что Белый? — рассеянно переспросила явно смущенная учительница.

— Я вот что спрашиваю, — уже встав, начала девушка, и было слышно, что голос у нее дрожит от возмущения. — Он решил уравнение или нет?

— Решил, — озадаченно ответил Максим.

— И, конечно, в уме?

— Конечно, — пожал он плечами.

— Я к чему? — продолжала свою мысль девушка. — Вот мы здесь напрягаемся, а кто-то все уже сделал и посмеивается.

— Неправда! — взвился Белый.

— Еще какая правда! Вот я вчера, после того как он прыгнул...

— Убежала, чтобы его не целовать, — вставил слово Сергей...

— Это к делу не относится, — пыталась перекричать грохнувший смехом класс Таня.

— Тише! Замолчите! Прекратить смех! — с прежним металлом в голосе поднялась учительница. — Продолжай, Татьяна, — обратилась она к стоящей ученице, когда смех стих. — Итак, после того как он прыгнул... Куда?

— Ну, на спор.

— Спор был на ее поцелуй, — вновь встрял в

разговор Максимов дружок.

— Это сейчас ничего не значит, — покраснела девушка.

— Да, это сейчас ничего не значит, — согласилась, наоборот, побледнев, учительница. — Не встречай, Огоньков, — вновь жестко скомандовала она.

Тот скорчил покорную мину: «Молчу-с», а одноклассница, наконец, продолжила.

— Так вот, я после этого прочитала и про этого Бимона, и про его прыжок, и про реакцию других прыгунов. Один из них сказал: «А стоит ли после этого вообще прыгать?»

— Ты к тому, что уже ничего решать не надо? Двумя руками «за», — не удержался Сергей и вновь развел руками: «Молчу-с, молчу-с».

— А второй сказал: «Такое впечатление, словно этот парень перемахнул лужу, а мы, как ни топчемся, как ни пыжимся, — все в самый ее центр!»

— Ну и? — ждала выводов учительница, пристально глядя на ораторшу.

— Пока он сидит здесь, у меня... у нас такое же впечатление.

— У меня такого впечатления нет, — пожав плечами, заявил вдруг не отличавшийся разговорчивостью Панков.

— И у меня нет, — согласился Ванятка.

— И у меня, — вставила Кнопка. — Я просто им восхищаюсь, — добавила она и покраснела.

— О тебе и так всем известно, — запальчиво уколола ее спорщица.

— А знаешь, почему у нас нет такого ощущения, — вкрадчиво спросил Сергей. И не ожидая ответа, констатировал: — Мы за ним не прыгаем. По одежке, что называется, протягивай ножки.

— Но как ты можешь, Тань? — чуть ли не со слезами возразил, наконец, «виновник торжества». — А сколько до тебя вот так «не допрыгивают»? И теперь ты... ты... — у подростка перехватило дух, и он сел.

— Садитесь, — закончила раунд учительница и стала подводить итоги. — Я, конечно, не ваш классный руководитель и не гуманитарий. Я математик. Поэтому такие вопросы не ко мне. Но если они заданы... Что же... Вчера мы, можно сказать, тестировали вашего новоявленного гения.

— Это когда же? — ехидно спросил Кот.

— Это уже после того, как он тебе морду начистил, — немедленно уточнил Сергей.

— Вот как? — удивилась Ирина Сергеевна. — Действительно, на все руки мастер... Но сейчас не об этом. Так вот, я уже точно могу сказать, что Максим — уникал. Для того чтобы полностью выяснить пределы этого... таланта, следует

продолжить тестирование. Но уже можно смело утверждать: его знания и возможности далеко за пределами школьной программы. Поэтому, конечно, ему на наших... на уроках математики будет скучно. Что же до нас... Татьяна, ты тоже исключительно талантлива, так что же? Выгнать и тебя, чтобы других не смущала? А вот, горе мое, Сергей Огоньков, оказывается, лучший в школе спринтер и художник. Вон — его шаржи. Даже я похожа, — мимолетно улыбнулась она.

Сергей вдруг густо покраснел. Он действительно в классной дурашливой газете «Шедевр» нарисовал шарж на учительницу. Но она, как думалось раньше, не обратила внимания на это творчество вообще.

— Панков — талантливый хоккеист, — продолжала математичка. — Женя, — она повернулась ко все еще топтавшемуся у доски Покровскому, — будущий поэт. Точнее, он уже поэт, но будущий великий поэт. Выгоним с уроков по литературе? Читайте историю. Серость была всегда нетерпима. Всегда люто ненавидела талантливых людей. И вместо того, чтобы стремиться к их уровню, пыталась уничтожить, унижить, растоптать таланты. Так проще и спокойнее. Поэтому я тебе скажу, Татьяна, эти таланты, в том числе и Максим, будут здесь, среди вас. Для того, чтобы вы тянулись за ними, чтобы

прыгали, прыгали и прыгали. Даже раз за разом попадая в эту самую лужу. Только так рано или поздно ее перепрыгнете и вы. Как перепрыгнули все-таки и Бимона, — обнаружила она некие познания в истории легкой атлетики. — Садись, Евгений, — закончила учительница свой монолог. — Мне действительно нравятся твои стихи. И... прости меня.

Еще один густо покрасневший подросток сел за свою парту, провожаемый тридцатью парами удивленных глаз. Никто не знал, что этот сирота пишет стихи, которые к тому же могут нравиться этому синему чулку. Новая сенсация затмила даже таланты Максима. А тот, преисполненный светлого восхищения от добрых слов Ирины (так он вдруг ее назвал), не выдержал и мысленно погладил ее по руке. Словно понимая, кто это, она отозвалась теплой доброй волной, но затем, видимо, какая-то мысль уколола ее и она одернула руку.

«Такому человеку надо жить! Буду терпеть!» — утвердился в своих планах юноша.

После звонка Сергей продолжил доставать друга, но теперь в других, восхищенных тонах.

— Ну, признайся, что ты с ней сделал? Человеком становится!

Он выскочил из-за парты, бросился к стене, снял злополучный «Шедевр» и начал рвать его на мелкие куски.

— Ты чувствуешь? Заметила, но виду не подала. Что ты с ней сделал? Тебя надо почаще к таким крокодилам запускать. Укротитель! И говоришь, ничего не было?

— Да перестань ты! Что ты, как дитя малое? Чуть похвалила, а ты растаял.

— Это ты не понял! Я же говорю: человеком становится.

— Она давно... То есть всегда человек. Просто обстоятельства.

— Ты думаешь... рак? — с придыханием спросил Сергей. — Значит, ты не врал? Жаль, — поник он и оставался угрюмо-серьезным весь день.

— Придешь сегодня? — поинтересовался Серый, когда они возвращались из школы.

— Занят. Надо помыться... И вообще... — соврал Макс. Он надеялся набраться сил перед продолжением мучительной схватки.

Но этого не удалось. Дома его ждал хмурый сменившийся с дежурства отец.

— Дважды звонил заместитель командира полка. Требует к себе. Вместе с тобой. Ну, говори сразу, что натворил?

Отец был уставший и грустный. Какие-то неизвестные сыну заботы явно угнетали его.

— Что с тобой, па? Неприятности? — забеспокоился юноша.

Он очень любил своего отца, а угнетенное его

состояние вызывало неясную тревогу.

— Ты мне зубы не заговаривай. Говори сразу. Это — не к твоей классной. Здесь — без шуточек.

— Да нет, папа, по хорошему поводу. Я просто прыгнул, а он увидел.

— Не говори загадками. Куда сиганул и что из этого получилось? При чем здесь наш зам?

— Просто далеко прыгнул. Так далеко, что и этому... вашему, и нашему физруку понравилось. На рекорд, — не удержался и похвастался он.

— Ну, слава богу, хоть не натворил ничего, — пропустил мимо ушей сообщение о рекорде отец. — Больше ничего?

— Еще... Еще я подрался с Котяркой, а он и это видел.

— Ну?

— Ему тоже понравилось. Спросил, сколько времени я занимаюсь боксом.

— Занимался, — поправил его отец, уже выходя из квартиры.

— Ну почему, папа? — просительно возразил Максим, пристраиваясь к шагу отца.

— У нас в роду дураков никогда не было и на будущее не надо. Хватит.

— Но это не от бокса.

— Может быть... А где гарантия, что теперь это не будет повторяться после каждой плюхи по голове? Так что забудь...

«Интересно, что ты скажешь после беседы с начальством?» — подумал Максим, но вслух спрашивать не рискнул и задал другой взволновавший его вопрос.

— А что все-таки у тебя?

— У нас, — хмуро уточнил офицер. — У нас в полку кто-то пустил слушок... А может, и не слушок, что это... ну столкновение — диверсия была. Попытка теракта против «самого». Комиссия из центра душу выматывает. Меня особенно не трогают, но копают очень глубоко, — вздохнул отец, уже стучась в высокую дубовую дверь.

Глава 10

Ровно в семь вечера Максим прошмыгнул в уже знакомый подъезд и с замиранием сердца нажал на ручку двери Ирины Сергеевны. Дверь открылась, и юноша перевел дух. Затем тихонько вошел в квартиру. Было темно и тихо, только на кухне хлопотливо тархтел старенький холодильник. В комнате сквозь задернутые шторы было светлее — пробивалось заходящее весеннее солнце. На диване спала хозяйка. Спала, как положено, расстелив постель и накрывшись одеялом. Незванный гость подвинул кресло, сел рядом и, настроиваясь на муку, стал рассматривать женщину. «Спящая красавица, — подумалось вдруг

ему. — Странная какая-то. Днем как Золушка ходит, а на ночь — пожалуйста — и волосы распушила, и накрутилась, и макияж вон, и губы. Еще бы бальное платье одела». Для того, чтобы убедиться в своих мыслях, он осторожно убрал одеяло. Нет, бального платья не было — было хоть и облегающее, но довольно строгое трико.

«Это она днем от всех прячется, чтобы не приставали. А перед сном, бедолажка, для себя прихорашивается», — сделал вывод Максим, еще раз оценив взглядом прелестную фигурку молодой женщины.

Он знал, что внутри ее прекрасного тела затаилась коварная и страшная болезнь, поэтому никакого желания, никаких вожделенных чувств не возникало в его душе. Только жалость, нежность к этому одинокому измученному человеку и ненависть к пожирающему ее чудовищу. Эти ощущения усилили его решимость. Целитель, закрыв глаза, протянул руки. И словно не уходил он из этой комнаты, словно не было целого дня. Вернулось видение черного не то паука, не то осьминога. Только вместо паутины от его щупалец отходило несколько коротеньких ошметков. Один из них немного пророс.

— Не успеешь, тварь, — прошептал Максим и ударил по гадине лучами и вместе с ней скорчился от боли.

Это сравнение болезни с живым злобным существом помогало юноше в его борьбе. Словно кто-то отвечал ему ударом на удар, словно кусал и жег его в ответ. Это озлобляло бойца и мобилизовало силы. И вновь яркие лучи давали блики по всей комнате, и вновь переливались они голубыми и зеленоватыми цветами, и вновь Максим, не таясь, стонал и подвывал от боли. Не было сейчас ничего! Ни этой квартиры, ни этой женщины, ни этой весны, ни этого времени. Была только сила, лучи и черный извивающийся, словно от боли, спрут, которому подросток отсекал щупальца. Когда от врага остался только один пульсирующий комок, Максим понял, что больше не может. Погас, словно выключившись, его целительный свет, и он осел в кресло.

— Еще на раз! — с отчаянием всхлипнул он, взглянув на часы, — они показывали полночь. — Пять часов! Пять часов этой боли! Этой борьбы. И еще не все. Но если не завершить...

Он представил злорадствующую тварь, которая стремится раскинуть щупальца по всему телу как можно больше, и решил:

— Надо добивать! — Затем, словно заклиная, он обратился к пациентке. — Слушайте... спите и слушайте. — Вы спите и выздоравливаете. Ваш организм борется с болезнью. Вы хотите жить! Вы будете жить! Завтра в семь вечера вы откроете

дверь и уснете. Глубоким спокойным сном... И сейчас — сон, сон, сон.

Он накрыл спящую одеялом и вышел, осторожно и бесшумно закрыв за собой дверь.

— Ну и где болтался? — хмуро поинтересовался ожидавший его отец.

— Гулял, папа, — соврал сын.

Белый-старший пристально взглянул на сына и увидел, насколько он обессиленный и опустошенный.

— Тебе плохо? — уже другим тоном спросил он.

— Нормально. Немного устал. Но это пройдет.

— Я вижу, ты вообще перестал есть.

— По утрам я пью чай, а вечером нажираться вредно. Сам раньше говорил, когда я был толстяком. Вот я и ем в столовой на обед поплотнее, — объяснил Максим.

— Разве что так... — сомневаясь, покачал головой отец. — Ну что будем решать с предложениями?

— Прыгать не буду, — твердо отказался Максим.

— Но это чистый, уважаемый спорт. И потом, с такими результатами — уже в этом году на Олимпиаду.

— С какими результатами, папа? Ну, сиганул

один раз.

— Два. Я помню, как ты в детстве...

— Я тоже помню, папа. Хоть Танька и не верит. Ну, два раза. За пятнадцать лет. А по заказу — не смогу. Это такая волна, как накатила — смог. А в другое время — кто знает?

— А ты пробовал? Ты попробуй. Не на рекорд, а так, для интереса.

— Но это очень больно, па, — признался, наконец, Максим. — Очень больно! И страшно... Уж лучше бокс.

— М-да... Непонятно. А этот мордобой... Не одобряю. Это не больно?

— Ты же слышал, что он говорил! У меня исключительная реакция. Ну, папуля. Один раз на соревнования, а там посмотрим, а?

— Если бы не этот наш... Но ты пойми, пока по боксу куда-нибудь выберешься, тебя совсем обалдуют сделают. А не дай Бог... Нет!

— Папа, давай я попробую и там и там. И вернемся к этому разговору, ну, через месяц. На каникулах.

— Но соревнования твои уже через неделю!

— Вот после них и поговорим, а?

— Ладно, иди спать, — не приняв окончательного решения, прекратил препирательства Белый-старший. — Я прежде всего о твоём здоровье беспокоюсь. Ну ладно, спокойной

ночи, — оставил Максима одного отец.

Сын, как и в прошлую ночь, вышел на балкон и, приняв порцию лунного света, завалился спать. Уже в полудреме он вспомнил еще о неприятностях отца и попытался подумать, можно ли применить к этому свои новые способности, но сразу же уснул.

На следующее утро, проснувшись с рассветом, он понял, что устал. Не восстановился, как говорят спортсмены. Слишком много психических да и просто физических сил он затратил на всевозможные происшествия. И еще это лечение...

Привычно проверив дверь к Рыжику, юноша вышел на балкон — под упоительные лучи восходящего солнца. Вскоре на балкон вышел и отец, одетый только в брюки. Он обожал загорать по утрам, но устоявшиеся обычаи военного городка не позволяли загорать на балконе в одних плавках, а тем более, трусах. Поскольку восходящее светило только-только начало согревать утреннюю прохладу воздуха, загорать было рановато.

«Что-то хочет спросить», — догадался Максим.

— Ты говорил, с Котовым подрался позавчера? — спросил Белый-отец, потягиваясь навстречу ласковым лучам утреннего солнца.

— Ну да, — однозначно ответил Макс, разглядывая стройную мускулистую фигуру отца.

«А он у меня действительно еще очень ничего», — с гордостью вспомнил он разговор с медсестрой.

— Странно. Чего не поделили? Невесту твою, небось?

— Ай ну, папа, ты опять, — нахмурился подросток.

— Ты брось по этим мелочам распыхаться. Девушка полюбит того, кого полюбит. И никакие драки не помогут. А Котов, кстати, отличный мужик. Комэск еще тот. («Это он о предке Кота», — понял Максим). И знаешь, именно у него сейчас большие неприятности. Ты в курсе, что меня вот наградили, а его — арестовали?

— Н-нет, мне не сказали.

— Ну, конечно, у вас новости поважнее. Кто с кем и когда прогулялся!

— Ну, неправда, — вяло возразил юноша.

— Так что, потерпи, не лезь, если он зло за несправедливость на тебе срывает.

— За несправедливость? — возмущенно вскипел сын. — Тебя, значит, несправедливо наградили?

— Не о том речь, — тяжело вздохнул летчик. — Это его несправедливо арестовали... Но ты подумай. Мне пора. Сегодня опять приду домой поздно.

Когда отец ушел, Макс подивился судьбам окружающих его людей, поймал себя на том, что

тупо смотрит на солнце, пожал плечами и пошел совершать обычный утренний ритуал подготовки к школе. И когда он вновь вышел на балкон — по привычке махнуть рукой Ванятке, чтобы тот выходил, солнце уже вовсю взялось за исполнение своих обязанностей. И вдруг непреодолимое, таинственное и дикое по своей сути желание охватило подростка. Он поднял голову к светилу и широко открыл глаза. Лучи немедленно ударили по сетчатке, и Макс на секунду ослеп. Преодолев резь и слезы, он вновь уставился на солнце. И почувствовал, как вливается в него необходимая сейчас энергия, что вновь восстанавливаются силы, что забурлила в венах не то кровь, не то сами солнечные лучи. Он вдоволь напился этого дара природы, и необычайно взбодренный, выскочил на улицу, где уже вовсю свистали скворцы, ворковали голуби, начинали распускаться цветы, а в них деловито шныряли рыжие пчелы.

— Что я тебе скажу, — начал Ванятка. — Сделал я фотки. Непонятно. Вот, посмотри, — он протянул несколько фотографий. — Ой, что это с тобой? Что с глазами?

— А что? — глянул на него Максим.

— Красные. Буквально как у кролика.

— Перезанимался, пройдет, — успокоил он друга, разглядывая на ходу фотографии.

— Это прыжок. Вот смотри, ты разбегаешься.

Классно. Вот толчок, тоже классно — как ракета вверх. Кстати, знаешь, на какую высоту ты выпрыгнул?

— Метра на полтора-два?

— Около двух. Тебе бы еще и в высоту прыгать... Но вот смотри дальше... Видишь?

— М-да, — неопределенно протянул уже присоединившийся к ним по дороге Сергей.

— Непонятно. Может, брак?

— А здесь? И здесь? И почему здесь нет? Я на комп все вывел. На мониторе то же! Там тоже брак? Чертовщина какая-то!

Это действительно пахло чертовщиной. Четкие фотографии разбега и толчка. А дальше — расплывчатая, едва о контуренная фигура. На двух снимках. Затем, уже в яме, — вновь четкие, вплоть до различимого на лице страдания, фотографии.

— Наверное, такой блик. Когда он высоко летел, попал под лучи солнца. Вот и размыло, — предположил Сергей.

— Может, и так. Но теперь этими снимками ничего не докажешь.

— А никому ничего и не надо доказывать, — успокоил его Сергей. — Ты видел! Я видел! Наши видели?! Ну и хватит. А для регистрации рекорда и четких снимков не хватило бы.

— Может, и так, — разочарованно повторил их внештатный фотокорреспондент. — Но жаль...

— Нечего жалеть. Тебя с этими снимками задрали бы, выискивая монтаж.

— Ну ладно, — успокоился Погорельцев. — А здесь? Ты мне скажи, на какой выдержке твои бои снимать?

Действительно, на фотографиях четко проступил размахивающий кулаками Кот и какое-то размытое пятно на месте соперника. Несмотря на такую неудачу, ребята фыркнули — уж очень глупое было у Максова визави выражение лица.

— Очень быстро ты там мелькал. То-то я заметил — весь мокрый был после драки. Только вот здесь и получился, когда стоял. Он протянул фотографию стоящего без движения Макса и устремившегося на него врага с зажатой в руке арматурой.

— А за вот эту спасибо! — Максим забрал фотографию и положил ее в сумку. — Алиби, — пояснил он.

— Вот эти, под названием «Бой с тенью», повесим вместо «Шедевра». Ты как? — предложил Сергей.

Максим хотел было согласиться — уж очень потешные они были, но вспомнил рассказ отца и коротко довел ситуацию до друзей.

— Давай не трогать.

— Пока сам не нарвется — согласен. Он мне

еще за «холоуя» должен. А вторую щеку подставлять не намерен. Пусть свое зло на ком другом срывает, — проворчал Сергей. На том и порешили.

Но выяснять отношения с Котом не пришлось. Тот сидел смирно, только иногда едко улыбался.

Занятия шли своим чередом. И, конечно, все ждали алгебру — после вчерашнего разговора по душам и слухов о смертельной болезни все ждали продолжения.

Но продолжения не получилось. Как вчера, учительница долгим взглядом обвела класс, как бы здороваясь с каждым, сама отметила, кого нет, узнала, что Мирзоева действительно простудилась. Затем начали решать экзаменационные задачи.

— Кстати, Татьяна, ты все-таки по-своему права. Белому надо трудиться в полную силу. — Учительница подошла к парте Максима и положила тому какой-то толстенный учебник.

— Попробуй позаниматься вот этим, — предложила она. — И если что, спрашивай, не стесняйся. Всем остальным — внимание на доску.

Началась обычная школьная учеба, а Макс приготовился к погружению в новый мир математики. Но когда Татьяна, проходя от доски, все-таки сунула нос в сторону его тетради, он не удержался — словно случайно пододвинул уличающую Кота фотографию. И, хотя девушка лишь на секунду замедлила шаг, лишь на мгновение

бросила взгляд на глянцевый квадрат, по изменившемуся ее лицу Макс понял — подействовало.

— Прожгло, — согласился Сергей, не упуская ни одного происшествия на занятиях. Особенно того, что касалось его друзей. А так как друзей была большая часть класса, конкретно на занятия времени оставалось мало. Впрочем, об этом он ничуть и не жалел.

— Проехали, — привычно ответил сосед и взялся за учебник.

Вскоре класс затих. Один за другим школьники, сначала исподтишка, затем откровенно поворачивались в сторону парты Белого и во все глаза смотрели, что он вытворяет с предложенным ему новым материалом. Создавалось впечатление, что он просто пожирал книгу, впитывал ее, сосредоточенно бегая глазами по строкам. Впрочем, главное было не в этом. Зубрили в классе были и раньше. Странной была скорость, с которой он прочитывал и переворачивал страницы. «Опять хохмит», — решили некоторые и продолжили заниматься своими делами, другие же начали ждать, когда разразится гроза. Помимо прочего, учительница явно любила свой предмет и издевательств не потерпела бы. Наконец и она подняла глаза от своих записей, отследила направление взглядов учеников и уперлась в

шуршащего страницами Максима.

— Неинтересно? — участливо-иронично поинтересовалась она, когда этот странный ученик захлопнул книгу.

— Нет, почему, очень интересно, — устало, но убежденно ответил ученик.

— Белый, я тебе дала этот учебник не для того, чтобы ты по нему пробежался, как по «Мурзилке» или там «Веселым картинкам». Рада, что тебя все это заинтересовало, поэтому бери первую тему и начинай изучать.

— Но я уже все... — начал было он, но осекся под укоризненным взглядом учительницы. — Хорошо, так и сделаю.

Когда до звонка оставалось несколько минут, Ирина Сергеевна встала.

— Минуточку внимания, ребята. Сегодня у нас с вами последнее занятие. Дальше готовить к экзамену вас будет другая учительница. До свидания. И... — она подавила поднимающийся к горлу ком. — И простите, если кого обидела.

— Что вы, до свидания! Еще вернетесь, — загалдели ребята.

В эту золотую пору юношеского максимализма чувств от ненависти к любви, от злорадства к сочувствию, действительно, один шаг, одно событие.

— Медицина сейчас чудеса творит, —

решилась успокоить учительницу Кнопка. — Вот из нашей школы Пушкарева, слышали, разбилась на мотоцикле. Парень, который ее вез — насмерть. Думали, она тоже не жилец. А сделали операцию — не только живая, уже чуть ли не бегаёт. И еще несколько таких же случаев буквально за какой-то месяц. Вон, уже в областной газете писали. Да в то время там и Белый лежал — пусть подтвердит.

— Вот как? — переспросила Ирина Сергеевна, внимательно глядя на Максима.

— Ну, я не видел Пушкареву...

— Совсем?

— Мельком видел. Действительно, не двигалась и вдруг ходить начала. И еще один из моей палаты. Он, правда, после операции дольше полежал. Не знаю сколько, до меня прооперировали. Нет... то есть до того, как я очухался. А ходить начал уже при мне. И там еще двое... До моей выписки поправляться резко после операции начали... Так что на самом деле медицина творит чудеса.

— Вот как, — задумчиво повторила учительница. — Я и не знала... Нет, читала, но внимания не обратила... Тем не менее спасибо, ребята. Конечно, надо надеяться и не сдаваться. Чего и вам желаю на экзаменах, — пошутила она одновременно со звонком.

— Ты посмотри, — обратил Сергей внимание

друга, когда они возвращались домой. На стадионе, в укромном местечке, почти в тех же зарослях, где происходила историческая дуэль, выясняли отношения Татьяна с Котом.

— Она ему ввалит так ввалит! — злорадствовал Сергей. Было видно, как парень хмуро оправдывался, затем начал зло что-то говорить. Татьяна повернулась и быстро пошла домой. Кот кинулся было за ней, но потом махнул рукой и понуро пошел своей дорогой.

— Д-а-а, сложно ему. По большому счету, ты у него девчонку отбил.

— Скажешь тоже, отбил, — обиделся друг. — Мы с ней с первого класса...

— Ладно заливать. С первого класса! Это так, детство. А всерьез она начала встречаться только этой весной и не с тобой — с ним.

— Но я и не отбивал... Как-то само...

— Вот я и говорю: молоток, — ухмыльнулся Сергей.

На том и расстались. От вечернего моциона Макс вновь отговорился, сославшись на презентованный ему математичкой учебник.

— Конечно-конечно, — согласился Сергей. — Только смотри, без тебя парочка опять снюхается, — предупредил на прощанье он своего товарища.

До самого вечера Максим бездельничал

(релаксировал), таращась в телевизор и наблюдая за перемещениями рыжего хомячка. Он чувствовал, он просто знал, что сегодня закончит борьбу со спрутом, поселившимся в теле математички, и набирался мужества вновь терпеть боль.

На этот раз пациентка спала в ночной рубашке, но целитель почти (все-таки почти!) не обратил внимания на прелести женского тела. Даже не присаживаясь, он принялся за пульсирующую черную опухоль в легких. Да, после двух дней борьбы болезнь уже не казалась таким непобедимым монстром. Этаким комочек зла, желающий, чтобы его оставили в покое.

— Не выйдет, и не надейся, — сосредотачиваясь, пообещал своему врагу Максим.

И на этот раз была боль, были яркие, порой вспыхивающие молниями лучи. И вновь юноша стонал от боли. Но сегодня все закончилось. И на месте всей гигантской паутины с черной гадиной в центре теперь ровным бледно-розовым цветом светились здоровые ткани. «Но почему бледно-розовым?» — спохватился юноша, уже вытирая пот и усаживаясь в кресло. Он вспомнил свечение у людей, которым помог раньше. Правда, и Пушкарева, и Хома были моложе. Но возраста тех двоих, последних, он не знал. И Максим вновь протянул руки над больной. Без особого напряжения устранил некоторые темные точки в

голове (похоже, в сосудах), немного задержался на мелких непонятных серых разрывах на запястьях, всхлипнув от болезненного укола, разгладил, срастил ткани и здесь. Больше ничего не было, но организм не светился струящимся светом. Он вроде как тлел.

«Она просто не хочет жить. И нет у нее сил жить, — понял вдруг юноша. Он вздохнул, подошел к окну и, глядя на усеченный диск луны, начал набираться новых сил. — Не сравниться лунному свету с солнечными лучами, — подумал Макс, вспомнив, как встряхнуло и зарядило его сегодня утреннее светило. — Спасибо и на этом. Как же так? Может, я лунатик какой. Или этот... солнцеед?»

Но не сейчас, не в этой квартире и не в это время следовало раздумывать. Надо было закончить эту поднадоевшую возню. Не то чтобы ему приелись такие чудеса. Но попробуйте сами их творить, если в это же время у вас, к примеру, будут вырывать без заморозки зубы. Представив такую картинку, подросток улыбнулся, затем вздохнул и вновь повернулся к спящей. Закрыв глаза и поднимая в себе волну силы и здоровья, волну захватывающего дух счастья (некстати вспомнив прогулку на речку), он стал делиться ею с молодой женщиной. И вдруг поймал себя на том, что не чувствует боли. Испугавшись, что ничего не

получается, он открыл глаза. Нет, все получалось, но по-новому. Его руки светились нежным, на этот раз золотистым свечением и оно мягко переходило к спящей, светящимся фонтаном пульсировало над ней и затем словно всасывалось в кожу. Максим вновь зажмурился и проследил путь этого чудесного света дальше. Он увидел, как золотистые лучи заструились по тканям, проникая все глубже и глубже, заставляя весь исцеленный организм светиться теперь уже радостным розовым светом. И это порождало чувство захватывающей радости у самого целителя. Вновь зазвучала мелодия танца цветов, и юноша упивался чувствами от творимого им добра.

«Все!» — скомандовал, наконец, самому себе Максим. Он видел, что спящая женщина от мизинцев до кончиков волос наполнена светлой жизненной силой. Но еще он чувствовал, что уже на исходе его собственные силы. Он знал, что на солнце быстро восстановится. Но почему не было сил и желания думать? Как тогда, из реанимации, он вышел из квартиры, опираясь на стену. И, как тогда, встретил девушку. Правда, теперь не у в хода в палату, а на углу своего дома. И не медсестру, а Татьяну. И она совсем не собиралась ему помогать. Наоборот, — бац-бац-бац! — прозвучали три неумелые, но звонкие пощечины.

— Подлец! Подонок! Негодяй! Тварь! —

кидала девушка оскорбительные слова, пока Максим машинально потирал щеки. По быстроте расправы и по скорострельности слов было ясно, что и действия, и слова подобраны заранее — во время медленного белого каления.

«Сергей сдал?» — тупо удивился про себя Макс.

— Но мы занимались, — вслух оправдывался он.

— Занимались! Пять часов! В темноте! — обозлившись на наглуую ложь, Татьяна с каждым своим доводом продолжала хлестать ладонями по лицу негодяя, не утруждая себя даже посмотреть, куда приходятся эти оплеухи. — Да ты на себя посмотри! На тебе лица нет! Как пьяный идешь. Это называется «занимались»? Ясно, чем! — продолжила она экзекуцию.

— Подожди ты! — вспыхнул, наконец, парнишка, перехватывая руку. — Перестань! У меня действительно нет сил сейчас спорить или оправдываться. Да и с какой стати? — вдруг осенило его.

— Действительно, с какой стати, — сразу притихла Татьяна. Гордая и самолюбивая девчонка представила, что мог подумать этот зазнайка и, не дай бог, одноклассники, если бы все это увидели.

— Она смертельно больной человек. А ты... А ты... ты и ее не пожалеешь. Мерзавец!

Однако этот обличительный монолог был произнесен неубедительно, и девушка сама это почувствовала. Увидев у парня кровь на разбитой ею губе, она быстро достала платок, промокнула им ранку и исчезла.

Максим облизал разбитую губу и, пообещав себе придумать достойный ответ завтра, добрел, наконец, до квартиры, где и рухнул, не раздеваясь, в родную кровать.

Глава 11

Сегодня эта уютная квартирка была наполнена запахами праздника — курицы, оливье, рыбы и торта. И хозяйка была праздничная — в потрясном в облипочку платьице, с довольно откровенным по случаю жары декольте. Да, сегодня Золушка преобразилась. Но Максим был свидетелем этого постепенного преображения и, кроме того, видел хозяйку и в более интимном наряде, поэтому разительного эффекта она на него не произвела. Куда удивительнее и приятнее были ее широкая искренняя улыбка, естественный румянец на щеках и бесовские огоньки в глазах. Вот это действительно преобразило бывший синий чулок.

— Вот, порешал, — смущенно протянул он учебник, заметив вдруг, что и учительница

разглядывает его с каким-то новым интересом.

— Верю, верю. Приходится, — все так же улыбаясь, хозяйка забрала книгу и небрежно закинула ее на полку. — Пойдем, — она тронула гостя за локоть, показав в сторону зала.

Там действительно был накрыт праздничный стол.

— Вот, садись. Будем праздновать, — почему-то волнуясь, сказала Ирина Сергеевна.

Послушно присев на краешек стула, Макс только теперь обратил внимание, что стол накрыт на двоих и удивленно поднял брови.

— Да, будем праздновать вдвоем. Мой день рождения.

— У вас он зимой, — неосторожно брякнул гость.

— Спасибо, что помнишь такие мелочи про свою Стервозу, — усмехнулась именинница.

— Ну зачем, ну я же извинился... Ну, простите еще раз, — засмутился подросток.

— Нет, это ты прости, — вдруг вспыхнула учительница. — Не хотела. Вырвалось. Ну, пускай. Я о другом. У меня две новости — хорошая и... тоже хорошая. Вот первую мы сегодня и отпразднуем. Ты вообще-то к спиртному как?

— Если вино, — потупился Максим. У него уже был небогатый опыт, дававший уверенность, что вино он переносит безболезненно.

— Родитель не заругает?

— Отец на маршруте. Это до утра. Слышите? — В приоткрытую дверь балкона действительно врывался насадный рев взлетающих один за другим бомберов.

— Словно прощаются. Будто на судьбу жалуются, — вздохнула женщина, прислушиваясь к удаляющемуся гулу очередного взлетевшего бомбовоза.

— Нет! Не так! — горячо возразил Максим. — Это они «До встречи» говорят. Вы вслушайтесь. Это как богатырь надел кольчугу, меч в ножны, булаву на плечо и говорит: «Ну, пора... Бывайте... Постараюсь не задерживаться», — пробасил он.

— Похоже, — улыбнулась собеседница, по-новому вслушиваясь в рев очередного квартета двигателей. — А ты, оказывается, тоже поэт, — констатировала она, разливая по бокалам рубиновое вино. — Ну что же, — протянула хозяйка свой бокал к Максиму. И когда хрусталь зазвенел от прикосновения, произнесла тост: — За мой второй день рождения и за моего ангела-хранителя! За тебя! Ты пей, пей, — попросила она, когда испуганный хранитель стал опускать бокал. — Нельзя ставить после тоста. Хоть пригуби.

Максим послушно пригубил вино и все-таки

поставил бокал. Машинально поморщившись от непривычной крепости ароматного напитка, он подался вперед с вопросом. Но хозяйка, выпив бокал до дна (правда, и плеснула она вина на самое его доньшко), быстрым, нежным движением накрыла его губы своей ладошкой.

— Молчи. Сегодня я именинница и сегодня я повелеваю. Я дам тебе слово. Но сейчас... Прежде всего, областное обследование отвергло даже малейшее подозрение на онкологию. Нет, что я говорю — даже на болезнь. Говорят, с таким здоровьем — хоть в космос!

— Я рад за вас! — вставил гость.

— У тебя было время порадоваться, — отмахнулась Ирина Сергеевна. — Что они со мной ни проделывали, какие анализы ни брали, как ни просвечивали — ноль! Решили, что здесь, в районе, анализы перепутали с чьими-то.

— Нет, это здорово, но почему вы говорите, что у меня было время?

— Вот что, Максим, ты как хочешь, а я еще раз выпью за тебя, а потом открою тебе страшную тайну.

Не ожидая возражений, бывшая Стервоза вновь чокнулась бокалами и заставила «пригубить» заинтригованного юношу.

— Теперь ешь. Больше заставлять пить не буду. Кто тебя знает, на что ты способен пьяный, —

она как-то странно рассмеялась.

— Ну, а теперь, — она приблизила свои глаза к глазам Максима. — А теперь вот тебе страшная тайна: ты очень плохой гипнотизер.

— Ч-ч-что? — запинаясь, прошептал юноша и стал заливаться краской стыда. — Так, значит, вы... не спали?

— Нет. Ни разу. За все те три ночи — ни разу.

Максим вскочил. Со стола соскользнул бокал и, сверкнув хрустальным боком, полетел вниз. Машинально, не заметив, что делает, подросток мысленно подхватил его и поставил на место. Он уже рванулся было из-за стола, но хозяйка, также вскочив, положила ему на плечи свои теплые руки и мягко усадила назад.

— Дурачок, ну сядь, дурачок. Ну что случилось?

— Тогда зачем же вы... Вы притворялись?

— Да, притворялась. Прости. В первый вечер притворилась, думала посмотреть, на какую подлость ты способен.

— Подлость? — вскричал юноша, попытавшись сбросить с плеч удерживавшие его руки. То ли вино подействовало, то ли воспоминания о пережитой боли, но его глаза наполнились слезами. — Подлость! — дрожащим голосом повторил он.

— Да, да, но прости меня, прости!

Не зная, как успокоить расстроенного гостя, она почти машинально прижала его голову к себе и, глядя густую юношескую шевелюру, продолжала.

— А что, что я могла подумать? Только-только поругались, я выгоняю пацана из дома, а он мне: «Спать! Марш на диван!»

— Ну, не совсем так, — уже улыбаясь, возразил он.

Вроде спохватившись, хозяйка отстранилась от подростка и продолжала:

— А потом я увидела...

— Увидели? — машинально переспросил Максим.

— Да, и услышала.

— Но я почти не говорил!

— И почувствовала... И не знала, что думать.

Но утопающий хватается за соломинку. А когда я узнала, что в больнице, где ты лечился, неожиданно повыздоровливали смертельно больные, я поверила... И вот теперь... Я здорова! Я жива! И я хочу жить! И прости за низкие мысли, прости! — Она вдруг порывисто встала перед юношей на колени и прижалась губами к его руке. Максим растерялся.

— Что вы на самом деле! — подхватился ошеломленный таким поведением подросток, поднял женщину и усадил в кресло.

— Я видела твои... чудеса, — попыталась она

найти правильное слово. — Но еще слышала и чувствовала твою боль. Мне до сих пор стыдно, что я так о тебе подумала вначале. А когда я видела, как ты смотришь на Луну, собираясь с силами, — она встала, выключила свет и раздвинула шторы. — Вот так! — Она изобразила уставшую, поникшую, тянущуюся к лунному свету фигуру. — Я чуть сдерживалась, чтобы не разрыдаться... От стыда, от жалости...

Она, видимо, долго сдерживалась, потому что теперь действительно разрыдалась. Закрыв лицо руками, несчастная женщина вновь упала в кресло и залилась слезами.

Теперь пришла очередь Макса успокаивать.

— Ну, ну проехали, а? Ну, все же хорошо кончилось. Не обижаюсь я. Действительно, черт знает, что можно было подумать, — бормотал он, неумело глядя хозяйку по пышной сегодня прическе.

— Давайте лучше выпьем, а? — нашел он способ прекратить рыдания.

Все еще всхлипывая, Ирина Сергеевна согласно кивнула головой, и Макс подал ей наполненный вновь бокал.

— Третий — за женщин, — предложил юноша.

— Сегодня и первый, и третий, и четвертый — все за тебя, — возразила собеседница.

— Нет, за вас, за ваше здоровье.

— При условии. Ты ответишь мне на один вопрос, — добавила хозяйка.

— Конечно! — легкомысленно согласился Максим.

Молодая женщина выпила довольно большую налитую им «для успокоения» порцию, поставила бокал и, сев вплотную к гостю, заглянула прямо в его блестящие в лунном свете глаза.

— Кто ты? — задала она свой вопрос.

— Не знаю, — твердо, не отводя взгляда, ответил юноша. — Честное слово, не знаю.

— Ты хоть видел сам, что с тобой происходит, когда ты... ну этим занимаешься?

— Мне некогда любоваться. Мне больно. Понимаете, ужасно больно, — вспыльчиво сказал он, но женщина мягко положила ладони на руки юноши, и он успокоился.

— Понимаете, — продолжил Максим. — Во мне это проснулось, когда я пришел в себя в больнице. Привезли Пушкареву. Санитарка сказала типа: «Не жилец». Стало очень жаль. Я ее знал — она из нашего дома, нашей школы.

— Влюблен был? — с тихим смешком спросила учительница.

— Да нет... Совсем нет, — покраснел юноша.

— Ладно-ладно. И что?

— Вот меня что-то и потянуло. Понял, что

могу помочь. Вот с ней впервые. Потом парень один. Тоже жалко стало. Потом хирурга жалко стало, смеялись над ним... Так я перед выпиской еще двоих... для количества удачных операций. Но все время было больно. Очень больно... — сбивчиво объяснял Максим заглядывающей ему в глаза женщине. — А Луна... или Солнце... Они только силы придают...

— И меня — жалко? — спросила она охрипшим вдруг голосом.

— Больше всех. Нет, я же вначале не знал. А потом, когда увидел... — он осекся.

— С третьей на четвертую — это страшно выглядит?

— Страшно. И больно... Кстати, а вам? Как вы терпели? Ну, те все — без сознания были. А вы?

— Нет. Никакой боли.

— А что?

— Ты пил водку на пустой желудок? — и когда увидела, что юноша утвердительно кивнул головой, сказала: — Вот так же разливается тепло в теле и чувствуется жжение... Тепло пульсирующее, как пульсирует кровь в венах. — Она машинально взглянула на порезанные когда-то запястья и замолчала. — И это — тоже? — спросила она, показывая на гладкую, без всяких шрамов кожу.

— Это уже так, на всякий случай, типа общеукрепляющего, — поскромничал Максим.

— А те... золотые... лучи? — почему-то запинаясь, спросила исцеленная.

— Да это... ну как... не знаю... — подбирал слова юноша. — Как стимул к жизни, что ли, как новые силы... как «живая вода», — нашел он, наконец, образное сравнение.

— А эту... одноклассницу... Тоже «живой водой» поил?

— Да, а что? — забеспокоился целитель.

— Бедная, бедная девушка, — полушутя посочувствовала школьнице учительница.

— Почему бедная?

— Не будет ей теперь покоя.

— Но почему? Больно?

— Нет, — с улыбкой Джоконды ответила Ирина Сергеевна. — Это совсем не боль.

— А что?

— Иди ко мне, — привлекла молодая женщина к себе своего спасителя и, уже осторожно целуя его глаза, прошептала: — Попробую дать тебе хоть что-то похожее... Вот это только бледная тень того, что чувствуется от твоих золотых лучей, — пояснила хозяйка, прикоснувшись к плечу смотревшего на утреннее солнце Максима. — У тебя нежная кожа.

Она неловко, стесняясь, провела рукой по плечу юноши. Ирина знала, что утреннее похмелье неизбежно, но ее длительное воздержание,

неизмеримое чувство благодарности и тяга к необъяснимо-чудесному, находившемуся в этом юноше, толкнули ее на эту ночь. Она действительно хотела вернуть этому пареньку хоть частичку того чудесного, чем наделил ее он. Поэтому и дала ему все, что могла, что знала, о чем слышала. Теперь ее охватило чувство какой-то вины, неловкости, стыда.

— Нам надо поговорить, Максим, — обеспокоенная молчанием, заглянула она ему в глаза. — Ты что? — отшатнулась она. — Ты что с собой делаешь?

— Заряжаюсь. Я же говорил. А что глаза покраснели — сейчас пройдет. — Он улыбался, и у Ирины отлегло от сердца.

— Кто ты? — вновь вырвалось у нее.

— Но я, честно, не знаю, Ирина. — Еще в постели она приказала ему прекратить «имя-отчество», так как теперь это смешно звучало. — Я ведь все рассказал.

— Все? А вчерашний бокал?

— Заметила, — вздохнул Максим.

— Заметила и еще кое-что поняла. На уроке кто мои ноги трогал? Признавайся, шкодник! — она шутя схватила его за ухо.

— Но такие ноги! — покраснев, стал оправдываться шкодник.

— У своих одноклассниц, небось, тоже

гладил? — полушутя-полуревниво уточняла женщина, продолжая тягать юношу за ухо.

— Какие там ноги! Спички. Никакого желая, — отпирался подросток.

— О, да ты покраснел? Ты все еще можешь краснеть? Ну, значит, точно, не дьяволенок. Но давай проверим. Крестом заклинаю тебя: изыди, сатана, — все также полушутя-полусерьезно заявила хозяйка, касаясь креста на юношеской груди.

— Вот крест, никакой я не сатана, — шутливо перекрестился Максим. — Да и будет тебе сатана носить крест...

— Солидный. Откуда?

— Да тот вылеченный подарил. В больнице. Кстати, а почему ты говоришь, что Пушкарева «бедная»?

— Ты так и не понял? — Ирина обняла своего ангела-хранителя и, стыдливо пряча глаза, объяснила: — Все, что ты чувствовал сегодня ночью, что я чувствовала... — это сотая, нет, тысячная доля того, что чувствуешь от твоей... ну, «живой воды».

— И?

— И она, не понимая, что случилось, будет вновь и вновь ее искать... и сравнивать... Бедная девушка, — теперь искренне посочувствовала она.

— А ты?

— Очень кстати вопрос. Есть разговор, Максим. Максичек. Мальчичек, — ласково прикоснулась она пальчиком к его подпухшим за ночь губам. — Я тебе говорила про две новости. Но мы заболтались об одной.

— Заболтались — неточное слово, — улыбнулся юноша.

— Не надо пошлости. Тебе не идет... Так вот. Я уезжаю. Сегодня. Навсегда.

— К-к-как? Куда? Почему? Сегодня? — недоумевал Максим.

— Да, милый мальчик. Да, мой добрый ангел-хранитель. Уезжаю. Вечером.

— А я?

— Что ты? Ну что ты? — с навернувшимися вдруг слезами спросила Ирина.

— Но я же... Люблю тебя.

— Не надо, милый мой мальчик. Ты сам этому не веришь. Правда? — Она взмахом руки отвергла возражения и, сев на диван, продолжила.

— Выслушай меня. И не перебивай. Нет времени. У тебя... Тебе в школу пора. Ты понимаешь это — в школу! — с отчаянием всхлипнула она. — Да на меня пальцем весь мир показывать будет, если узнают! Даже если бы это было правдой. Ну... то, что ты сказал. — Ей самой было неловко говорить слово «любовь» этому юноше с едва пробивающимися усиками. — Если

бы даже это было правдой, — осевшим голосом повторила она. — Но это не так! Ты сам понимаешь. Кроме того... я не знаю, кто ты. Я боюсь и тебя, и за тебя. Я не знаю твоей судьбы. А мне надо жить! Ты сам, сам заставил меня жить и не представляешь, как я хочу этого! Полнокровной жизни! Смеяться и танцевать, загорать и купаться, влюбляться... да, да, не смотри на меня так! Влюбляться и рожать детей. — Она подбежала к потерянно стоящему юноше, прижалась к нему и тихонько заплакала. — А у нас с тобой ничего этого не будет. Я — не твоя героиня. Твоя — еще памперсы портит. Поэтому мне лучше уехать. Нам лучше. Пока не... пока не привязались друг к другу. Все. Не возражай. Я никому ничего про тебя не скажу. Под любой пыткой. Я... на тебя молиться буду, — вдруг вырвалось у нее. Затем Ирина вытолкнула подавленного этим монологом юношу и захлопнула дверь.

Парень несколько мгновений собирался с мыслями, но осторожность взяла вверх, и он отправился домой. Обдумывая произошедшее, Максим выпустил порезвиться толстого хомяка и долго мысленно перебирал его шерстку. Тот некоторое время недоуменно вертел головой, затем лег, подставил неведомой ласковой силе брюшко и зажмурился от удовольствия.

— Вот! И понять не пытается. Приятно?

Приятно. Чем-нибудь грозит? Пока нет. Наслаждайся, чего думать? А тут — сплошные проблемы.

Он ущипнул толстяка за жирок, и когда тот замелькал задом в свое убежище, пошел под душ. Ирина права — надо в школу.

— Дурачок. Милый дурачок. Глупый, но такой добрый и сильный волшебник, — всхлипывая, прощалась в это время Ирина Сергеевна с этой внезапно нахлынувшей на нее любовью.

Конечно, она лгала. Она влюбилась. Как девчонка. Как эта его одноклассница — Кнопка.

«Хорошо, что не призналась, — успокаивала она себя, вспоминая разговор. — Ну куда я ему? Старушка. Старушка? — она посмотрела в зеркало на двадцатитрехлетнюю цветущую, но с зареванным фейсиком фигурку. — Для него — старушка. Извращенка. Как там правильно? Педофилка! А он и не возражал, что не любит... Все... Не по Сеньке шапка. Ему нужна... Ему нужна... А черт его знает, что ему нужно, чертенку этому. Тьфу-тьфу-тьфу», — сплюнула она.

Затем, некстати вспомнив и о других, совсем не детских и не волшебных способностях Макса, молодая женщина опять обозвала себя педофилкой и взялась за предотъездные хлопоты. Квартиру она продала практически со всем, что в ней было,

теперь следовало до прихода контейнера сложить нехитрый скарб — постельное белье и посуду.

Глава 12

— Ну, что ты там учудил? — сурово спросил тренер.

Это был средних лет, крепко сбитый и крепко битый в свое время спортсмен. Впрочем, и он когда-то бил крепко. Поэтому когда разнеслась весть о том, что секцию бокса в городе ведет Синица (для своих — Син), к живой полулегенде потянулись ребята со всех школ. Максим пришел в секцию в золотом для начинающих возрасте. В течение года он был серым середнячком и прославился только тем, что снова пришел на занятие после жестокого избиения, устроенного ему на тренировке звездой — тренирующимся по индивидуальной программе действующим кандидатом в мастера спорта. Тот бой был устроен Синицей не случайно. Уж слишком уверовал Белый в свои силы и успехи. И Николаев (в простонародье — Никола) лупцевал зарвавшегося пацана нещадно. Макс падал, вставал, вновь падал и вновь вставал под удары мастера. Друзья-соперники кто смеялся, кто тихо злорадствовал, кто гудел, негодуя на жестокую расправу. А Син не останавливал бой, задумчиво вглядываясь в упрянца. Последнее, что

помнил подросток, — это крик: «Стоп!» и мягкую вату небытия, в которую он окунулся. Когда Максим пришел на следующее занятие, скупой на похвалу тренер приказал выйти ему из строя.

— Будешь настоящим боксером. Если только захочешь, — все так же скупой похвалил его наставник.

И сейчас, вернувшись после долгой болезни в пропитанный знакомыми запахами пота и резины зал, Максим почти обиделся на холодную встречу.

— Ничего не натворил. Болел.

— Это я знаю. Видел.

— ???

— Ну да, когда ты там без памяти лежал.

«Значит, не забыл хмурый Син, значит, даже проведывать приезжал», — с теплотой подумал подросток.

— Я о другом. Ты где и чем показался, что тебя переманивают?

— Меня? Кто?

— Что, и разговоров не было? В СКА, например? — смягчился тренер.

— Был разговор о том, что мне пора выступать. Или прыгать. Это в батькином полку. Но вот так конкретно...

— А что ты?

— Сказал, что подумаю.

— А что тут думать? — резко возразил

Синица. — «Спартак» он и есть «Спартак»!

— Да я не об этом. Прыгать или боксировать?

— Думать будешь? Я те дам «думать»! Ну-ка давай посмотрим, что там за таланты у нас прорезались? Живо переодевайся!

Видимо, опасаясь последствий болезни своего подопечного, Синица решил проверить его состояние сам. После привычной традиционной разминки он вытащил Макса из общей компании прыгающих-молотящих-скачущих-качающихся, велел одеть перчатки и принять стойку. И вновь после первого же движения перчатки в его сторону время для Максима замедлилось. Юноша легко уклонялся от всех серий ударов, даже от самых коварных, «коронных», и не поддавался на ложные замахи и выпады. В отличие от поединка с Котом сегодня он словно пропитался солнцем и, хотя так же обильно потел, не чувствовал слабости.

— Все, — оставил, наконец, свои попытки озадаченный тренер. — Реакция отменная. Не достать. — Но почему ты сам не бьешь? Надо бить!

— Но как же... — начал было, отдуваясь, подросток.

— Да, и дыхалка слабовата. Ты, случаем, курить не начал? Смотри! Что-то ты мокрый?

— С вами вспотеешь!

— Есть еще порох в пороховницах, — самодовольно усмехнулся Син. — Вот что.